

Евгений Ткаченко

ЖИЗНЬ И О ЖИЗНИ

Откровения простой лягушки

Евгений Ткаченко

**Жизнь и о жизни.
Откровения простой лягушки**

«Издательские решения»

Ткаченко Е.

Жизнь и о жизни. Откровения простой лягушки /
Е. Ткаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852647-3

Изначально не хотелось писать о прошлом в виде мемуаров, не только из-за сложившегося предвзятого отношения к ним, но еще и по той причине, что многое я уже о советском времени вспомнил и описал в коротких рассказах. Мне казалось, что я поставил точку на том времени. Однако, после того, как я полистал мемуары академика Раушенбаха «Постскриптум», в которых увидел удивительную степень искренности и исповедальности, до меня дошло, что писать нужно и писать именно так.

ISBN 978-5-44-852647-3

© Ткаченко Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Родители. Детство	10
Охота	27
Друзья. Соседи	32
Школа	37
Поступление в Институт	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жизнь и о жизни Откровения простой лягушки

Евгений Ткаченко

© Евгений Ткаченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2647-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Зато, как видите, засел за книгу,
чтобы вспомнить всю свою жизнь, написать о ней, как и полагается
на склоне лет каждому грамотному человеку.
Академик Раушенбах
«Знание прошлого – это понимание современности».
Дмитрий Лихачев*

От автора

Именно эта фраза из книги академика Раушенбаха «Постскриптум», вынесенная в эпиграф, и подвигла меня писать воспоминания в стиле мемуаров. Я как раз на склоне лет и считаю себя достаточно грамотным. Сосуд моей души постепенно наполнялся капельками неправды из средств массовой информации о прожитом мной времени. Я это терпел думая, что время и власть всегда трансформируют историю под себя. Вмешивайся в этот процесс или не вмешивайся, а все равно все исказят, порой с точностью до наоборот. Большинство из нас очень хорошо помнят ельцинское время и знают, как оно представлено в Ельцин центре, именно с точностью до наоборот, несмотря на возмущение населения страны и такого известного человека как Никита Михалков.

Даже профессиональным историкам верить безоглядно нельзя. Например, общепринятая версия, что государство российское было создано скандинавскими князьями, уж очень сомнительна. Известный историк Дмитрий Иловайский достаточно убедительно это доказывает в своей книге «Начало Руси». Книжки же по истории России для домашнего чтения, изданные, например, в начале этого века читать вообще забавно. Напечатаны они тринадцать лет спустя после капиталистического переворота, а там по полной программе присутствуют все мифы о России придуманные коммунистами. Читая эти книжки, не сомневаешься, что СССР крепнет и процветает, и совсем непонятно как это он сам по себе развалился.

Думаю, что в немалой степени развалился от невероятного количества нагроможденной неправды. Болезненная тема для всех питерцев – блокада. Говорится о ней всегда в единственном числе. Но ведь было две блокады. Первая – дело рук коммунистов. Эта блокада была организована с конца 1917 года по август 1921 года, когда Совнарком РСФСР принял «Наказ о проведении в жизнь начал новой экономической политики». За этот период население северной столицы сократилось более чем в три раза: с 2,4 млн. до 722 тысяч к концу 1920 года. Вот что пишет об этом периоде истории Петербурга Сергей Ачильдиев в книге «Постижение Петербурга»: «Внешнее кольцо этой блокады составляли заградительные отряды, которые арестовывали всех крестьян, пытающихся привезти в Питер картофель, овощи, муку, хлеб, молоко для продажи или натурального обмена. Коммунисты объявили «мешочников» и «спекулянтов» вне закона, и облавы на них велись повсюду – не только при подъезде к городу, но и на маленьких станциях, в вагонах, на вокзалах, городских рынках... Ещё до официального открытия «красного террора», в мае 1918 года, ВЧК и ревтрибуналам было предоставлено право выносить смертные приговоры тем, кто отказался сдавать хлеб продотрядам.

Не менее страшно было и внутреннее кольцо, в котором оказался почти каждый петроградец: постоянные обыски, реквизиции любых мало-мальски ценных вещей (вплоть до мебели обивки), незаконные аресты и, конечно же, голодомор.

Уже в конце мая 1918 года Петросовет принял постановление о классовом пайке. Отныне все жители города разделялись на четыре категории. Рабочим полагалось по ½ фунта хлеба в сутки, служащим – ¼ фунта; «лицам не рабочим и не служащим, живущим своим трудом» – ⅛ фунта, и, наконец, «нетрудовым элементам» – 1/16 (напомню: фунт – 409 граммов)...

Москва боялась Петербурга, не принявшего революции. Ленин писал в то время председателю Петросовета Зиновьеву: «... Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин».

«Мы... вошли в зиму без дров... Чем мы топили? Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги, книги без числа и меры...

Один друг мой топил только книгами. Жена его сидела около дымной железной печурки и совала, совала в нее журнал за журналом. В других местах горели мебель, двери из чужих квартир. Это был праздник всесожжения. Разбирали и жгли деревянные дома. Большие дома пожирала маленькие....

У мужчин была почти полная импотенция, а у женщин исчезли месячные.

...Умирали просто и часто.... Умрет человек, его нужно хоронить. Стужа студит улицу. Берут санки, зовут знакомого или родственника, достают гроб, можно напрокат, тащат на кладбище. Видели и так: тащит мужчина, дети маленькие-маленькие подталкивают и плачут...». Можно подумать, что описана всем известная блокада Ленинграда, однако нет, это записки Виктора Шкловского, написанные в Петербурге в 1920 году. Вспоминать об этой первой блокаде не принято до сих пор.

В общем Д.С.Лихачев считал, на мой взгляд, абсолютно правильно, что понять современность без знания прошлого невозможно. Здесь не лишним будет добавить, что прошлое надо знать в не искривленном виде, иначе современность уж точно понять будет невозможно.

А теперь о каплях, которые последние годы наполняли сосуд моей души. Сел как-то чистить яблоки на варенье и включил радио. К питерскому радио я отношусь с уважением. Качественных передач на нем больше чем на всех программах телевидения за исключением, конечно, Культуры и Спаса. Поэтому включаю его, особенно когда дома один, и когда о нем вспомню. Тут как раз вдруг вспомнил и включил.

Свои мемуары читала известный режиссер Алла Ильинична Сурикова. Напомню читателю, что она режиссер известного фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Читала хорошо и воспоминания хорошие, заслушался. Вот только осадок в душе остался, как и после всех прочитанных мной мемуаров известных артистов, политиков и вообще культурных деятелей. Есть в них два момента, бросающихся в глаза сразу же при чтении или прослушивании, заставляющие этот осадок выпадать. Построены мемуары практически все на встречах или контактах со знаменитыми личностями. Это конечно не худо и даже многим интересно как выглядели и вели себя известные всей стране люди в быту. Но получается так, что автор как бы слегка, а порой и не слегка рисуется. А второй это то, что мемуары эти никак не отражают объективной жизни основной массы населения страны в описываемое автором время. Многим хочется прочувствовать и понять чем жил тогда народ. Так вот из этих мемуаров понять это совершенно невозможно. Также это невозможно понять из телевизионных передач, например в программе Соловьева, где довольно часто возрастные известные всей стране люди вспоминают советское прошлое. К сожалению, все они невольно врут, пытаюсь говорить от имени народа, поскольку уже тогда находились на большой дистанции от населения страны в узких прослойках, журналистских, артистических или властных, при этом практически все были коммунистами. Понятно, что их восприятие советской действительности было совсем не под тем углом, под которым ее воспринимала основная масса населения, которая была беспартийной. Пишут они и книги, а молодежь читает их, не подозревая, сколько же в этих книгах невольной неправды и передергивания фактов.

Так, например, умный человек и талантливый писатель Александр Проханов, придя на старости лет к православию, все пытается примирить его с коммунистами. Никак до него, такого умного, не может дойти, что примирить палача с жертвой невозможно. Жертва может искренне простить насильника «Не ведает, что творит!» А примириться – это вряд ли. Ну а что там плетет Зюганов лучше вообще не слушать. Этот бессовестный человек до сих пор существует и даже процветает на давно обанкротившейся идеологии. Сегодня Зюганов точно также как и при советской власти продолжает работать хамелеоном, с выгодой для себя быстро перекрашивающегося под постоянно меняющуюся политику. В советские времена он дурил народ страны, колеблясь вместе с курсом партии, а сегодня рассказывает

сказки о гениальности Ленина со Сталиным и про чудесную жизнь в СССР, не забывая при этом в основном соглашаться с курсом правящей элиты. И уж очень забавна его внешне страстная поддержка православия. Очевидно, что оно сегодня представляет собой реальную силу, а Зюганов, понятно, силу уважает. Как то трудно себе представить коммунистов, неожиданно полюбивших православие, с которым они не только боролись как с идеологическим противником, но и уничтожили физически десятки тысяч священников и верующих. Между делом, как бы по пути к объявленному светлому будущему умудрились коммунисты порушить почти всю красоту на нашей земле, созданную талантом русского народа, храмы, дворцы, монастыри, дворянские усадьбы, иконы, памятники. Взамен же никакой красоты сотворить не смогли. Истинно почти девяносто лет хозяйничали на нашей земле разрушители, а не созидатели. Девяносто потому, что в ельцинское время я думаю, продолжали хозяйничать в стране именно они, коммунисты.

Даже либеральная молодежь, пришедшая к власти в 90-х, внешне дистанцируясь от коммунистов, вела себя по отношению к населению страны чисто по коммунистически. Также как и в 1917 их союзниками по перестройке государства стали воры, бандиты и киллеры. Ненужными государству опять оказались: наука, техника, культура и, понятно носители ее, то есть люди обремененные культурой и интеллектом. Только в этот раз их не расстреливали и не ссылали в концлагеря, а просто, закрыв заводы, фабрики, проектные и научные институты выставили на улицу, выживайте мол, как хотите. Именно тогда Чубайс сказал, что если вымрет этак миллионов тридцать населения, то для государства это не потеря, а очищение, потому как они просто не вписались в рынок. А один из толстосумов как-то прокомментировал унижительно низкую зарплату академика Д.С.Лихачева, что, мол, все правильно, у нас рынок, и это именно он говорит о том, что такие люди не востребованы, стране они не нужны.

Неправда о советском времени, вольная и невольная, заполонившая интернет и средства массовой информации постоянно царапала мне душу. Довела до того, что у меня все больше и больше нарастало желание поделиться своей памятью о том времени, своей неправдой. Хотя изначально делать этого не хотел, думая, что кто же меня услышит, если я не отношусь к известным в стране личностям? Не вытерпел, когда в интернете стало появляться все больше и больше статей прославляющих советское время. А ведь я жил с ним лицом к лицу целых 44 года и видел много того о чем почему-то не говорят и писать не желают, возможно просто не знают, а те кто знает, молчат. Потом вдруг покатила очередная волна оскорблений и откровенных глупостей в адрес А.И.Солженицина, где он представлялся и врагом России, и лжецом, и даже главным либералом. Тут мне отчаянно, захотелось возразить, защитить Александра Исаевича. Я понял, что молчать нельзя, надо занимать свою гражданскую позицию и на откровенную ложь отвечать. Только не знал, в какой форме это делать. Слава Богу, Раушенбах подсказал.

Изначально не хотелось писать о прошлом в виде мемуаров, не только из-за сложившегося предвзятого отношения к ним, но еще и по той причине, что многое я уже о советском времени вспомнил и описал в коротких рассказах. Мне казалось, что я поставил точку на том времени. Однако после того как я полистал мемуары академика Раушенбаха «Постскриптум», в которых увидел удивительную степень искренности и исповедальности, до меня дошло, что писать нужно и писать именно так. Это совсем другая литература, сродни роману, что ли. Неспешно развивающийся сюжет охватывающий целую жизнь человека. Сказать можно еще о многом в развитие тех фрагментов из моей жизни, которые уже освещены в рассказах. И потом, думаю, что последовательная, а не лоскутная подача того времени поможет читателю понять и воспринять его объективнее.

Дорогой читатель, я познакомил вас с той мотивацией, которая подвигла меня на написание этой книги. А теперь хотел бы, чтобы не было сильных разочарований, обозначить ту

категорию людей, которым может быть книгу эту читать не стоит, чтобы не травмировать свою психику. Думаю, что к этой категории можно отнести тех, кто делал карьеру на чиновничьем поприще. Те из них, кто имеет здравое мышление, думаю, про себя прекрасно понимают, что значимость их деятельности сильно преувеличена, причем ими самими, поскольку законы они писали для себя, а не для благополучия государства и народов России. На эту тему можно говорить много, а можно просто еще раз посмотреть на результаты деятельности власти во времена Брежнева, Горбачева, Гайдара и Ельцина. Их работу можно оценить как вредоносную для государства и как издевательство над народами России. И вы, если были чиновником, то вольно или невольно в этом безобразии участвовали.

Родители. Детство

Итак, начну с момента своего рождения. Это событие произошло в мае 1947 года в рабочем поселке Невдубстрой, расположенном на самом берегу Невы в сорока километрах от Ленинграда и восьми километрах от Ладоги.

Родители мои: отец, Ткаченко Анатолий Иванович – украинец из Днепропетровской области за два года перед моим рождением выпущенный из советского концлагеря, который как раз и находился в поселке Невдубстрой. Привезли его туда осенью 1944 года, поскольку был военнопленным в концлагере немецком. При подходе наших от немцев бежал, добыл оружие и хотел воевать, не поверили.

Мать – Емельянова Мария Кузьминична – уроженка деревни Сологубовка, что находилась всего в 25 километрах от Невдубстроя. Она была младшим седьмым ребенком в семье сапожника Кузьмы Емельянова. Весной 1942 года Мария была интернирована в Германию. Работала служанкой в доме офицера, воевавшего на восточном фронте. Брата хозяйки, инвалида войны, за попытку ее изнасиловать ударила кухонным ножом в шею. За что была отправлена сначала на психическое медицинское обследование, а потом в лагерь смерти Дахау. Пробыла там полгода и чудесным образом была вывезена из него немецким предпринимателем, поставляющим в лагерь корнеплоды. До конца войны находилась в Мюнхенском женском монастыре. Вернулась на родину в конце 1945 года. Неоднократно вызывалась в Желтый дом на допросы, в основном на опознание надсмотрщиков концлагеря Дахау. Нервная система ее не выдержала, начались истерики, и ее оставили в покое. Лечить нервы отправили на полгода на лесоповал. Мать как-то рассказала, что возвращалась из Германии вместе с группой русских девушек, и наших солдат они боялись больше, чем немцев.

Понятно, что после войны в стране был сильный дефицит мужчин, и те, что еще оставались, находились в армии, в концлагерях и на стройках, а женщины в деревнях и поселках. В Невдубстрое с конца 1944 года был: и концлагерь, и большая стройка. В общем, собралось там обилие молодых мужчин привезенных на восстановление разрушенной войной электростанции 8-й ГРЭС.

Конечно, молодые женщины разными способами пытались попасть в этот чудесный поселок Невдубстрой. Не была исключением и моя будущая мать. Под предлогом навестить родную старшую сестру Агафью, работающую кастеляншей в мужском общежитии, она часто приезжала в поселок.

Дефицит молодых женщин в нем приводил к тому, что за каждую боролось сразу несколько мужчин, не задумываясь о любви, о том подходит ли она ему для совместной жизни, главное победить. Мужчины были слишком сексуально озабочены, а женщины перезрели, поэтому пары возникали быстро без долгих ухаживаний.

Мария и Анатолий. Я под маминой рукой

Результат я наблюдаю всю свою жизнь, и назвать хорошим его никак нельзя. В поле моего зрения не оказалось ни одной здоровой семьи, скрепленной настоящей любовью родителей друг к другу, не была исключением и моя семья. Не подумайте худого, это не поклев на поколение отцов. Мои попытки разобраться в этой несимпатичной закономерности привели к пониманию того, что причинами являются страшная война и неоправданно жесткое отношение власти к населению страны. Я пишу уверенно, поскольку наблюдал в реальной жизни более полувека свою семью и семьи многих своих приятелей. Невольно отследил кроме этого судьбы детей из этих семей и даже детей этих детей. Результат удручает и заставляет о многом задуматься. Конечно, в детстве мы ничего плохого в наших жизнях не замечали. Понимание пришло, когда душа отяготилась опытом жизни и интеллектом.

Вернемся к моему рождению. Отец был очень рад, и в день, когда меня принесли из роддома, пригласил в общежитие своих приятелей отпраздновать мое рождение. Выставили они, несмотря на протесты, мать за дверь, смочили мои губы водкой и сунули в рот папиросу, отец тогда курил. Налили и выпили за то, чтобы мальчишка вырос настоящим мужчиной, и только потом впустили мать в комнату к протестующему ребенку. Такие были тогда нравы, да и юмор был такой, что сегодняшнее поколение вряд ли его воспримет. Однако для ощущения атмосферы бытия того времени, пример привести стоит.

Неизменной популярностью пользовалась шутка в исполнении юморного парня Миши Киселева, одного из тогдашних приятелей отца.

Сидит Миша в компании, вдруг закатывает глаза и начинает яростно чесаться, приговаривая:

— У всех вши как вши, а у меня как ящерицы.

После войны и разлуки, такой юмор был всем понятен, актуален и вызывал искренний смех.

Долгое время для меня было загадкой, почему я родился в мае, а родители зарегистрировали свои отношения только осенью. Уже совсем старым, отец признался, что целых полгода не мог принять решения, поскольку пожив несколько месяцев с моей мамой понял,

какую ошибку совершил, расписался потому, что мечтал иметь сына, а за эти полгода полюбил меня младенца. В августе 1947 года отец поехал в отпуск на родину и взял с собой и невесту со мной, малышом. Не был он там с весны 1940 года, когда его призвали в армию. Начал службу под Ленинградом, в поселке Лебяжье, но почти сразу был отправлен в Латвию, по договору строил береговые укрепления. В плен попал на острове Эзель с аэродрома которого наши бомбардировщики бомбили Берлин в 1941 году.

Латвия 1940 год. Отец третий слева

Понятно, что описать встречу я не могу, но по обрывочным воспоминаниям родни знаю, что мать моя ко двору не пришлась и была забракована как матерью отца, так и его сестрами. Отец в силу своей молодой самоуверенности, которая имеет место быть у всех молодых людей до определенного возраста, не послушался мать. На закате жизни он рассказал мне, о своей тогдашней уверенности в том, что живя рядом с ним, мать обязательно подтянется интеллектуально, и о том какое в результате фиаско потерпел. Хорошо учась, он, конечно, усвоил установку коммунистов, что бытие определяет сознание. То, что у женщины сознание формируется в семье и изменить его невозможно, а можно только добавить знания, да и то при условии, что для сознания – это ценность. В дальнейшем выяснилось, что не только для сознания матери знания и культура ценностью не являлись, но и для всего ее рода Емельяновых.

Я пошел в отца. Хорошо и много учился. Мать восприняла меня с младенчества как что-то для себя чуждое, непонятное, неродное и невзлюбила меня. Я не только не помню, чтобы она хоть раз приласкала меня, но не было никогда с ее стороны даже доброжелательного отношения ко мне. Мало того, что маленькому она мне систематически выкручивала уши и била подзатыльники, но и когда я подрос, постоянно настраивала против меня свою многочисленную родню, распространяя среди них криминальные небылицы обо мне. На удивление они ей верили, вызывали меня во двор, или за дверь. А там клеймили и песочили. Я каждый раз отчаянно обижался, не понимая о чем речь, пытался что-то объяснить, оправдаться, но меня не хотели слушать и мне не верили. Забавно, что до сих пор встречаясь с абсурдной ситуацией, я теряюсь и не знаю что предпринять. Есть такой чудный фильм Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Так вот я оказался вроде как своим, но и чужим не только для матери и ее родни, но и для родни отца. Интересно, что сегодня к матери у меня двоякое отношение. Как это ни странно, но я в какой-то степени благодарен ей за нелюбовь и постоянную агрессию. Это нарастило мне толстую кожу, благодаря которой я не очень-то сильно переживал в детстве за свою дискриминацию и несправедливости, как со стороны родственников матери, так и отца. Во взрослой жизни я тоже оказался терпимым и терпеливым. И все же это ненормально и лучше бы меня мама любила. Сегодня я очень хорошо понимаю, что только с помощью любви можно вырастить духовно и нравственно здорового человека.

Сколько написано чудесных песен о мамах, а ведь я к ним равнодушен, не трогают они меня, душа на них не отзывается. Давно понял, насколько я ущербен в своем мировосприятии, некоммуникабелен и по жизни, возможно, неоправданно сух и деловит. Спасает, наверное, только то, что получил от Бога при рождении и то, что уже в детстве нахлебавшись несправедливостей в свой адрес, отказался плодить их.

Они, мои родители, абсолютно не подходили друг другу, и у них всю жизнь не было тем для общения. Сказывалась не только пропасть в интеллекте, но и в природном уме. Отец имел хорошее образование, до войны окончил техникум по механизации, был круглым отличником. В 1939 году, как лучший студент техникума участвовал в открытии сельскохозяйственной выставки на ВДНХ в Москве. Мать же начала свое обучение в сельской начальной школе, но даже ее не закончила, с трудом писала и читала. Уровень ее некомпетентности меня поражал. Ориентировалась она только в магазинах, продуктах питания и кухне. Мать ничего не могла рассказать о прошлом. В ее голове не было его в естественной хронологической последовательности. Иногда, очень редко, она что-то вспоминала в виде, каких-то лоскутков, но не могла вспомнить, к какому одеялу они относятся. Время от времени я пытался что-то узнать от нее о Германии, все-таки прожила она там больше трех лет. Мать старалась, но не только не могла вспомнить ничего связного, но вдруг начинала рассказывать о жизни в деревне Сологубовке, или о чем-то совсем непонятном. Отец попросил меня не мучить ее, а задавать вопросы ему. Оказывается, слушая в течение жизни жену, он эти как бы несвязные отрывки ее воспоминаний хронологически систематизировал. Поэтому все знания о жизни матери, до появления меня на белый свет, я знаю от отца.

Сначала я думал, что это следствие ее пребывания в Германии и концлагере Дахау, но потом увидел эту особенность, выраженную в большей или меньшей степени, у всей ее родни. Удивляло, что женщинам из ее рода понятные и близкие только те мужчины, которые запоями пьют, меняют жен, бросают детей. Непьющих, порядочных мужчин они не могут понять, относятся к ним настороженно, с подозрением. Брат мой пошел в этот род, не учился, всю жизнь пьет, без семьи, но детей наплодил. Кстати дети его повторяют судьбу отца. Для матери и ее родственников он свой, любимый и понятный. Позже осознал, что все связано с их очень низким уровнем интеллекта. Рядом с трезвыми и порядочными людьми они ощущают себя униженными, теряются, не знают как себя вести и именно за это их не любят. Уровень развития этих женщин такой, что утвердиться они могут только рядом с падшим мужчиной.

Интересно, что аналогичные отношения между мужем и женой я наблюдал и в некоторых семьях моих приятелей. Так мой дворовый друг жил в соседнем доме в трехкомнатной квартире с родителями и двумя младшими сестрами. Отец его работал начальником механического цеха. По пятницам он регулярно крепко выпивал и когда появлялся дома, то жена в комнаты его не пускала, спал он в прихожей на полу. Сын в результате вырос неуверенным в себе человеком, а у дочерей семьи не получились, всю жизнь гуляли и пьянствовали. В общем если в таком важнейшем вопросе как создание семьи мы предаем традиции, как правило, не возникает духовного единения между мужем и женой, и в результате ничего хорошего ни для семьи, ни для потомства, ни для государства не получается.

Зачем я все это пишу? Да потому, что разруха в семьях, падение духовности и нравственности в людях – это, безусловно, в первую очередь следствие коммунистического переворота в 1917 году, отказа от национальных традиций, православия, от формулы, по которой столетиями жили семьи в России Бог-отец-мать-дети. Понятно, что война еще больше упростила, исказила понимание семьи и где-то обострила отношения в семьях, что мне пришлось наблюдать и даже испытать на собственной шкуре. Безусловно, этот мой опыт имел и положительные стороны. Главное я воочию видел беспредельную терпимость людей поколения отцов по отношению друг к другу и демонстрацию того, что все мы зависим отчего-

то общего и оно выше и важнее индивидуального. Вот в этом последнем качестве, как мне кажется, и сокрыта сила русских. Именно его либералы в 90-е годы подорвали в нашем народе и этим сильно ослабили нас. Мы как-то забыли свою природную общинность и стали прятаться друг от друга за высокими заборами. А может это явление временное и пройдет? Его можно представить как запоздалый протест населения на насильственное коммунистическое кучкование людей; митингами, демонстрациями, собраниями, коммунальными квартирами?

Так вот родители мои все же расписались. Сейчас вижу, насколько судьба была ко мне благосклонна, ведь я оказался в отца, фамилия моя естественная и с отцом я всю жизнь был рядом.

Год моего рождения оказался очень важным в жизни отца еще и потому, что в этом году был он назначен начальником кислородного цеха и стал главным специалистом по пуску кислородных станций на Северо-Западе.

Это было удивительное время самого мощного развития промышленности страны за ее историю. Процент ежегодного экономического прироста в 1947—53 годах доходил до 16%. Именно в этом году Сталин сделал ставку на специалистов, профессионалов. Заработные платы и положение в обществе у них стало в одночасье значительно выше, чем у чиновников и партийных функционеров, это собственно и предопределило более чем десятилетний резкий подъем экономики страны. В 1947 году зарплата профессора, доктора наук повышается с 1600 до 5000 рублей, доцента, кандидата наук – с 1200 до 3200 рублей. В научно-исследовательских институтах ученая степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1000 рублей, а доктора наук – 2500 рублей. В это же время зарплата союзного министра составляла 5000 рублей, а секретаря райкома партии – 1500 рублей.

Хорошее техническое образование и аналитический ум помогли отцу за два года из заключенного лагеря стать достаточно крупным начальником. В 1945 году ему удалось без наличия технической документации разобраться в конструкции американских установок для получения кислорода из воздуха и запустить их в работу.

К сожалению, этот подъем осуществлялся в основном за счет сельского хозяйства. Жители села владели тогда жалкое нищенское существование. Я могу это засвидетельствовать, поскольку все видел собственными глазами. В течение первых пятнадцати лет своей жизни я практически каждый год ездил в степную Украину на родину отца в село Новомарьевка, где проживали хлеборобы. Родной младший брат отца работал трактористом. Обычно мы были там в августе, шел сбор урожая и дядю я почти не видел. В выходные они тоже работали. Денег колхозникам почти не платили, старались рассчитаться натуральным продуктом, арбузы, зерно, подсолнечник, жмых собственно то, что и так у них росло на приусадебных участках. Один трудодень, в начале 50-х годов приносил колхознику примерно один рубль – это меньше ста граммов сахара на рынке тех лет. Среднему советскому колхознику для того, чтобы купить себе хотя бы самый дешёвый костюм, в те годы нужно было работать почти целый год! Средняя пенсия колхозника составляла 12 рублей в месяц, в то время как килограмм черного хлеба стоил в магазинах 3 рубля. Моя бабушка, вырастившая семерых детей и работавшая в колхозе, имела пенсию именно такую – 12 рублей. Почему так часто мы туда ездили? Да потому, что братья поддерживали друг друга. У отца были деньги, а дяди Миши натуральный качественный продукт. В случае необходимости, перед тем как ехать отец закупал нужные для хозяйства брата промышленные товары шифер, жёсть и отправлял по железной дороге малой скоростью. Электричества там, в 50-х годах тоже не было и помню отец, желая сделать брату приятное, достал где-то дефицитный радиоприемник на батареях. Он был громадный и тяжелый, но отец его до Украины дотащил. Дядя Миша был счастлив. Устанавливая антенну и отлаживая приемник, провозились они целый день. Зато потом слушать это чудо каждый вечер приходили соседи.

И, конечно, важное обстоятельство – тянуло тогда отца на родину. Был он страстным охотником и мотивировал свои ежегодные поездки желанием поохотиться вместе с братом.

В 1946—1948 годах в стране был голод, погибло порядка миллиона человек. Его вполне можно было избежать, но Сталин готовился к войне с Западом и копил зерно. На военных складах оно было. Моя семья легко перенесла это тяжелое время. Отец охотился и ловил рыбу, а муку и сухофрукты нам присылали с Украины. В дальнейшем, чтобы обезопасить себя, мы взяли огород в две сотки и в течение целых двадцати лет, пока не получили садоводство, сажали на нем картошку. Каждый год мы на зиму заготавливали 8—10 мешков картошки, квасили капусту и засаливали не менее ведра грибов. В нашем промышленном городке я не знаю ни одной семьи, которая бы индивидуально не решала вопросы продовольственной безопасности. В дальнейшем мотаясь по командировкам, я увидел, что так было по всей стране. Наголодавшись в 20-е, 30-е, 50-е годы и в войну население государства перестало доверять в этом важном вопросе власти. А еще – все очень хорошо знали реальное положение дел в сельском хозяйстве.

Так вот, отец в 1947 году не только стал начальником цеха, но и получил двухкомнатную микро квартирку в бараке. Жил я в нем до четырех лет и именно несколько событий случившихся там являются началом моей памяти об этой земной жизни. Первый запомнившийся момент связан с целлулоидной уточкой, которую я поставил на плитку, а она вспыхнула как порох, сильно напугав меня. К счастью я не пострадал. Второй эпизод с моим падением с кровати, но этого я не запомнил. Не помню, как раскачался на ней, как кровать перевернулась, и я разбил голову о железную печку. Зато хорошо помню, как отец носил меня на руках в больницу. Это повторялось несколько раз, и было мне очень приятно. Травма, должно быть, была серьезная, раз отец носил меня на руках на перевязки в больницу. Как упал, что делали со мной в больнице, не помню. Помню только, как ожидал отца с работы и это счастье длительного пребывания на его руках.

Когда мне исполнилось четыре года, мы переехали в двухкомнатную квартиру только что построенного элитного восьми квартирному дома. Я был очень этому рад, видно, поэтому запомнил первый момент пребывания в ней. Квартира казалась громадной, а звуки в ней отдавались эхом, как в зале. Было и горе. Пропали при переезде мои большие белые пуговицы, с которыми я играл. Отец, наверное, чтобы успокоить меня, уж не знаю, где достал, но однажды пришел с работы и начал на полу передо мной разворачивать большой куль. В нем оказался немецкий строительный конструктор из настоящих гладеньких, холодных и тяжелых каменных цветных деталей. Действительно про пуговицы я тут же забыл, а конструктор этот успокоил меня лет на семь.

С дошкольным временем связаны два эпизода моей жизни хорошо запомнившиеся. Бегаю во дворе с друзьями, вдруг мир начал наполняться тоскливыми душераздирающими звуками выло, гудело, все; электростанция, завод, паровозы, автомобили. Мы замерли, дыхание от страха перехватило, а это тоскливое гудение все не кончается. Взрослые стоят как вкопанные, мужчины сняли шапки. Шагах в пяти от меня застыл седой дядька, на щеках слезы, он бормочет: «Как теперь будем жить? Как теперь будем жить?». Наконец гудение закончилось и нам объяснили, что в стране большое горе, умер Сталин. Моя детская память зафиксировала и еще один эпизод, связанный со смертью Сталина. Конечно, я был мал, у меня была своя детская жизнь, и важности этого события я не понимал, но почему-то запомнил, как собралась в нашем дворе большая компания мальчишек. А были среди них совсем большие, наверное, школьники 3—4 классов, и один из них сказал: «Пацаны, а учителька нам говорила, что Сталин никогда не умрет. Врачи не дадут».

Второй эпизод забавный и хорошо запомнился должно быть потому, что я испытал и дикий восторг и разочарование почти одновременно. Восторг был от того, что папа и мама пошли на каток кататься на коньках и взяли с собой меня. Городской каток находился прямо

напротив нашего дома, там каждый вечер светили прожектора, и играла музыка. Свитера, коньки, а мама еще и специальную спортивную юбку, родители одели прямо дома. Чтобы попасть на каток нужно было всего лишь перейти дорогу и метров сто пройти по заснеженной тропинке на стадионе. Как только они выехали на лед, к моему разочарованию мама тут же шлепнулась и никак не могла встать. Я крутился рядом, но помочь, понятно не мог. Папа подъехал, взял маму под мышки и рывком поставил ее на ноги, порванная юбка осталась на льду. Поднимая маму, папа наехал на юбку коньком. Мы развернулись и пошли домой. Я так расстроился, что всю дорогу плакал, а папа меня успокаивал, говорил, что зашьем юбку и завтра снова пойдем на каток. Я успокоился, но такого семейного похода на каток уже никогда не случилось.

С этих пор и до окончания школы каток был для меня главным развлечением в зимнее время и не только для меня, но и для всех жителей нашего городка. Музеев, театров у нас понятно не было, не было и церкви. Кино и каток – вот и все развлечения. Первая серьезная развлекательная техника появилась у нас дома только в 1956 году – радиоприемник «Донец». Громадный ящик с белыми красивыми клавишами для переключения диапазонов волн и зеленым большим глазом. Глаз казался живым, потому, что у него был зрачок. Когда ищешь станцию, он, то сужается, то расширяется. Узкий зрачок указывал на то, что ты попал на волну станции. Слушали мы с отцом по приемнику «новости» и спортивные передачи. Почему-то больше всего любили слушать репортажи о конькобежных соревнованиях с европейских и мировых первенств. В то время наши конькобежцы были сильнейшими в мире, и мы болели за Шилкова, Гончаренко, Гришина.

Но надо бы вернуться к катку. Ведь он был настолько популярен, что помню, уже оканчивая школу, встречались мы на нем неоднократно вечером всем классом. Мороз препятствием никогда не был. Порой сидишь в комнате стадиона у батареи и подвываешь от боли, так болезненно отходили замерзшие руки и ноги, а катался я до того, что порой замерзали они до бесчувствия. Видно эта закалка в детстве сделала мой организм стойким к холоду. Всю жизнь обходился я без теплой обуви, а по дому до сих пор люблю ходить босиком. Каждое воскресенье днем каток служил развлечением для взрослого населения нашего городка. На нем регулярно проводились игры чемпионата района по хоккею с мячом. Трибун тогда не было, и мужчины стояли, облепив хоккейную площадку со всех сторон и в некоторой степени выполняя функции бортиков.

Первый телевизор появился у нас в 1961 году, а на стене все еще продолжала висеть большущая черная тарелка радио. Как жалко, что не надумал я ее сохранить. Газету с первым полетом Гагарина сохранить догадался, а тарелку нет. Вообще 1961 год очень интересный, и не только тем, что в этом году впервые полетел человек в космос. Об этом все знают, а вот о том, что 1 января в СССР была проведена денежная реформа, многие уже забыли. Однако номинал денег тогда уменьшили в десять раз. Помню, закончились новогодние праздники, приходит отец с работы и дает мне сторублевую купюру, а была она в то время громадной, с привычной для нашего народа панорамой Кремля и портретом Ленина. Так вот, дает мне отец эту купюру и говорит:

– Сходи, Женя, в сберкассе и обменяй ее на новые деньги, и чтобы деньги были, по возможности, разными купюрами, и чтобы была мелочь.

Задание для меня, тринадцатилетнего мальчишки, было очень ответственным. Я положил деньги в карман и уже собрался бежать, а в то время я все делал бегом, но отец меня придержал:

– А знаешь, какой оригинальный год наступил? Вот смотри.

Берет он лист бумаги, пишет «1961», и говорит:

– Переверни лист.

Я перевернул, а год остался тот же – 1961.

Подивившись, побежал выполнять задание...

В это же время, посещая дома своих школьных приятелей, я стал обращать внимание на особенности быта в моей семье. Он выгодно отличался аккуратностью и чистотой. Позже понял, что это одно из природных качеств объединяющих моих родителей. На кухне у матери посуда всегда блестела, а скатерти и занавесочки в квартире были выглаженными и чистыми. Отец требовал, чтобы в доме каждая вещь была на своем месте. Свое место имела моя школьная форма и портфель. Когда я пошел в первый класс отец подарил мне оригинальный подарок, настоящий медвежий коготь, закрепленный на латунной тарелочке. Это оказалась вешалка, на которую я должен был вешать свою школьную форму. Прослужила она мне все школьные годы.

Как, пожалуй, и у всех мое детство было волшебным и удивительным. Это волшебство, в отличие от жизни детей сегодняшних, было связано со свободой. Послевоенные дети росли в условиях реальной свободы – родителям было не до них: напряженная работа, а еще многие в своей личной жизни пытались наверстать то, что было отнято войной. Дети, порой, мешали. Задача в их отношении была максимально упрощена: одеть и накормить.

Так что все развлечения были во дворе. Во дворе, пожалуй, находилась и наша главная школа, учителями в которой были некоторые взрослые и друзья, разнокалиберные по возрасту и интеллекту. Двор каждому из нас компенсировал то, что мы недополучали в семье. Природа, которая окружала со всех сторон наш маленький городок, также играла немаловажную роль в школе жизни для детворы. Одна сторона – это могучая река Нева, а три другие – лес. До каждой из сторон от моего двора порядка километра. Вся эта роскошь была сильно побита войной, но мы, мальчишки, этого не замечали, поскольку такая природа досталась нам при рождении и другой мы не видели.

Оказалось, это богатство служило нам школой жизни значительно более важной, чем та официальная школа, в которую мы все ходили. В советские времена там было слишком много идеологии, находящейся в противоречии с реальной жизнью и дворовая школа в какой-то степени уравнивала этот флюс. Должно быть, дети чувствовали это интуитивно, и все свободное время проводили на улице. И не только свободное. Большинство ребят отдавали приоритет улице в ущерб школьным урокам. Не был исключением из этого большинства и я. Долго не понимал, почему улица была для меня важнее школы, а понял лишь тогда, когда стал совсем зрелым человеком. Улица привлекала не только правдой жизни, которую мы видели во дворах, но и даже реальными опасностями, которые везде подстерегали нас. Тот адреналин, который сейчас так усиленно ищет молодёжь, был всегда рядом – искать его не было необходимости.

Каждый год городок наш платил страшную дань в виде детских жизней и лесу, и Неве. Лес – места боев с обилием в то время боеприпасов. Это был магнит, который притягивал мальчишек. Кому-то нужен был артиллерийский порох и патроны для изготовления и запуска ракет, а кто-то не мог пройти мимо неразорвавшихся снарядов, мин, гранат. К окончанию школы мой класс заплатил дань тремя жизнями. В четвертом классе подорвался, разряжая снаряд, Юра Иванов, и уже после выпускного утонули в Неве Люда Кожухова и Алла Полякова.

Такие случаи на время пугали нас, детей, мы приостанавливались, задумывались, но тут же бежали дальше. Из этих страшных происшествий выводы каждый делал свои. Я тоже сделал, когда проводил Юру. Провожали всем классом. Шли гуськом мимо маленького гроба. Открыта была, только нижняя часть лица Юры, она была абсолютно белой. Верхнюю часть головы снесло взрывом. Рядом на табуретке сидела мама, не отрываясь, смотрела на него и без перерыва шептала загадочную тогда для меня фразу: «Бог дал, Бог взял. Бог дал, Бог взял. Бог дал, Бог взял...». Поскольку эти трагедии сопровождали нас регулярно в течение детства, остались они в памяти просто неприятным фоном.

Врезались в мою память на всю жизнь картинки страшные и тягостные, не воспринимаемые в детстве как трагические, но постепенно по мере взросления превратившиеся в них. Видел я и хорошо помню обилие калек войны. Меня, ребенка, некоторые сцены потрясли так, что стоят как живые в памяти до сих пор. Сколько же было мужчин без рук, без ног – на деревянных подпорках! Но самое страшное – люди-обрубки, сосем без ног, а порой и с изуродованными руками. Передвигались они, отталкиваясь от земли деревянными колушниками с прибитыми резиновыми полосками, или просто руками, катясь на самодельных деревянных платформочках, углы которых опирались на обычные шариковые подшипники.

Напротив главного продуктового магазина нашего городка продавалось пиво из бочек. Это было место сбора калек войны. Часто со стороны я наблюдал за ними. Казались они мне людьми нездешнего мира. Целый день калеки проводили у этих бочек. Пили, курили и живо общались друг с другом. Порой веселились и даже смеялись, смех был грубым, прокуренным, похожим на кашель. Однажды, откатившись на пару метров от компании на своей платформочке, один из калек обильно стал писать на свои грязные руки. Он старательно мыл их под струей, как под краном, не обращая внимания ни на идущих мимо людей, ни на нас, детей.

Я побаивался их и наблюдал только со стороны. Казалось, что они существуют в другом измерении, в другой жизни, и не очень-то обращают внимание на нас, обычных жителей. Сейчас мне ясно, что совсем не казалось, а действительно все у них осталось в прошлом, и они продолжали жить в том времени. Должно быть, потому, что там они были сильными, здоровыми, полноценными, а в этом времени им, таким, места не было. Власть и общество его не предоставило.

Как же сегодня отчаянно жалко этих людей! Хочется встать перед ними на колени и попросить прощения. Они защищали нас, нашу страну, отдавая ради победы жизнь, а получилось так, что отдали часть своего тела. Наверное, человек лишенный частей тела, выглядит некрасиво, а может, и уродливо. Но это ли главное в человеке? Однажды они все исчезли, исчезли одномоментно. Честно скажу: я тогда не горевал. Живя своей детской жизнью, быстро забыл, как забывается все неприятное. Но вспомнил, вспомнил и сейчас горюю. Сегодня мне стыдно. Власть коммунистическая их собрала, собрала быстро, безжалостно, по приказу, как бездомных собак, и всех отправила доживать в специальные резервации. И никто, никто не попросил у них прощения, и их почти не вспоминают. Помнят только те, кто встречался с ними, кто видел. Вот и я вспомнил. Вспомнил совсем не случайно. Нужно было прожить достаточно много лет на свете, чтобы и война, и калеки войны, и мое детство, и судьба моих родителей, и время сегодняшнее выстроились в четкую причинно-следственную связь. Наверное, такое происходит не со всеми. Со мной произошло так потому, что родился на месте самых страшных боев в войне, родился там, где противостояние фронтов длилось почти три года. До сих пор из земли, по которой я бегал ребенком, ежегодно тысячами выкапывают останки наших солдат. А может, и потому, что отец мой из концлагеря немецкого попал сюда, на берега Невы, в концлагерь советский, и уже совсем старым признался, что советский был страшнее и он хотел повеситься, спасло чудо.

Приятный фон моего детства, который иногда вспоминается – это поездки в деревню Сологубовку к бабушке и поездки к родственникам в Ленинград.

Сологубовка 50—60-х годов вспоминается в полном соответствии с описанием русской деревни нашими классиками. Надо сказать, что и деревня-то классическая. Центральная дорога, по обеим сторонам которой расположены избы. На задах, вдоль всей деревни, протекает быстрая речка Мга. За рекой высокий холм, на котором расположена красивая, но с разрушенной колокольней, церковь. (Местный колхоз использует ее как склад). Деревня упирается в барскую усадьбу, в которой частично сохранился барский дом в два этажа и парк с вековыми дубами и липами. Судя по возрасту деревьев, парк был посажен лет 150 –

200 назад. За парком – «гульбище». Видимо, там в старину молодежь водила хороводы, жгла костры, веселилась.

От станции Мга до Сологубовки восемь километров. Поезд из Невдубстроя приходил на станцию Мга трижды в сутки. Прямо у поезда собиралась группа, порой человек до двадцати, и шли пешком. Кто-то шел до деревни Пухолово, расположенной как раз на половине пути, а основная масса направлялась в Сологубовку или Лезье. Дорога утомительной не казалась даже в знойное лето, поскольку все друг друга знали и шли с разговорами, шутками и смехом. Как только проходили Пухолово, всегда устраивали небольшой привал. Подходим к Поклонной горе, с нее открывается прекрасный вид на деревню и церковь. Старые люди ставят на дорогу свои котомки и истово крестятся. Хоть вся моя деревенская родня – староверы, а церковь православная, но крестятся все. Мы продолжаем путь, спускаясь с очень пологой Поклонной горы в деревню. Идем по дороге между изб, почти у каждой калитки стоит хозяйка и здоровается с нами, здоровается, как говорят деревенские.

Староверы жестко соблюдали ритуалы, установленные верой. В быту – это культ чистоты, каждый пользуется только своей посудой и своими столовыми приборами, ко всем праздникам генеральная уборка жилища обязательна, курить в доме запрещено и т. п. На православных они смотрели сверху вниз, веру их считали неправильной, а самих православных называли грязнулями. Моя бабушка, Евгения Прокофьевна, была одним из самых главных действующих лиц в группе староверов. Интересно, что на современном русском языке она не читала вовсе, но бойко читала духовные книги по-старославянски. Службы чаще всего проходили в доме бабушки, поскольку ее дом в деревне был самым большим, и у нее сохранились старинные иконы, одна икона, помню, темная в большом серебряном литом окладе, должно быть очень старая. В 90-е годы в дом забрались воры и все иконы унесли.

Насилия, по поводу веры, бабушка никогда не чинила. Однако я из любопытства с ранних лет довольно часто присутствовал на службах. Поражали книги, которые читали во время службы, да то, пожалуй, и не книги, а фолианты какие-то, только толщина сантиметров пятнадцать. Текст написан вручную, красивыми буквами, по-старославянски. Книги откуда-то каждый раз приносили, а сразу после окончания молитв уносили.

Деревенский быт 50-х годов мало, чем отличался от дореволюционного. Интересно, но через бабушку и ее товарок мне удалось почувствовать то, дореволюционное, время. Помощниками здесь были их вера (старообрядчество) и их пол. И то и другое – консервативные начала. Не случайно от них я никогда не слышал слова Ленинград, а только Питер.

Идиллия дня в деревне. Сплю на русской печи (летом любимое место сна – сеновал на чердаке). Первое пробуждение от крика петухов, следующее – уже от шума самовара. Самовар, конечно же, на углях, и поставить его целый ритуал. Для меня бабушка варит на завтрак яичко. Варит забавно: моет его, заворачивает в марлю, опускает в кипящий самовар и прижимает крышкой. В это время на чай приходит соседка. Чай в деревне не завтрак, не потребление пищи – это важное культурное мероприятие.

Чинно подружки садятся за стол, на котором уже пытит самовар, наливают чай, и начинается неспешный разговор. Чай пьют очень горячий из блюдца и вприкуску с самыми дешевыми конфетами под названием подушечки. Разговор начинается, как правило, с хозяйства. Обсуждается, как несутся куры и как петух с ними управляется, каковы у него отношения с петухом соседки. Тут же затрагивается жизнь и взаимоотношения других важных животных, например котов. Неспешный разговор плавно переходит на детей, внуков, соседей. Особое место занимает больная тема – пьянство и непутевость мужиков. Иногда, в случае, когда кто-то проходит по дороге мимо окон, беседа переключается на некоторое время на проходящего, а потом снова возвращается в свое русло. Заканчивается чаепитие обычно разговорами о богомолье и о чудесах.

День в детстве длинный, и успеваю я за день и за грибами, и на рыбалку, и в церковь. Ложусь спать, в комнате темно, горит только лампадка у иконостаса. Там же, у иконостаса, бабушка с табуреточкой для поклонов, в руках лестовка. Засыпаю под бесконечную молитву:

– Господи, помилуй... Господи, помилуй... Господи, помилуй...

В Сологубовке штук пять больших домов в два этажа, первый этаж из бутовой плиты, а второй из бревна. Все дома построены до революции. При советской власти ни одного частного строения хотя бы близкого по размерам к этим домам не появилось. Все только разваливалось и постепенно приходило в негодность.

В деревне все на виду и цена каждого всем известна, а ценились у мужиков умение и трудолюбие. Умелый да трудолюбивый, да из путевой семьи имел возможность взять хорошую невесту, построить большой дом и наплодить детей. Бабушкины семь детей имели семьи, все упорно трудились в разных областях народного хозяйства, но никто из них при советской власти не смог построить двухэтажного дома и вырастить больше двух детей.

Советская власть разрушила здоровый деревенский уклад жизни, сложившийся за столетия, она перевернула все с ног на голову. Пропало понятие «непутевый». Природно-непутевые с руками и головой набекрень, были поставлены у власти, а путевые названы кулаками и ограблены. Самое главное и ценимое мерило правильности жизни – жить по совести, а значит, по заветам Христа, властью было высмеяно и уничтожено.

Результат – разруха и доблестное пьянство мужчин на деревне. В Сологубовке даже мощное противодействие пьянству староверами не затормозило процесс. Вера, аскетизм и консерватизм староверов были в сильном противоречии с идеологией существующей власти. Власть победила, и службы староверов в деревне где-то к 1980 году прекратились. Победила ловким приемом, оторвав от корней и переманив в свои ряды морально нестойкое молодое поколение.

Поездки в Ленинград я очень любил и ждал их всегда с нетерпением. В гости мы ездили к родным маминым сестрам. Это были очень оригинальные женщины, понял и оценил это я став совсем взрослым. Будучи малограмотными и не обремененными интеллектом, все они были достаточно культурными людьми. Да! Проживание в культурной столице России творит с человеком чудеса.

Елена Кузьминична жила на Перекупном, рядом со Старо-Невским проспектом, а Зинаида Кузьминична на Каменноостровском проспекте (в то время Кировском). Понятно, что обе жили, как и большинство ленинградцев в то время, в громадных коммунальных квартирах. В зимние праздники моя многочисленная родня чаще всего собиралась на Каменноостровском. Комната тети Зины была самой большой, с камином, высокими потолками и лепниной. Мне почему-то там больше всего нравился старинный паркет, и особенно его скрип, который казался сладчайшей музыкой. Лежу в кровати, слушаю скрип паркета в квартире и, наверное, засыпаю с улыбкой, ведь меня распирает от счастья.

Любил гостить я у тети Зины еще и потому, что была там удивительная и волшебная игрушка. Детей у тети не было, и игрушка принадлежала не ей, а соседям по громадной коммунальной квартире. Так вот, две комнаты в ней занимала еврейская семья – муж и жена. Как только мы приезжали, они приходили, всегда вдвоем, и забирали меня к себе на целый вечер. Шел я к ним с удовольствием, и казалось, что ухожу я из этого мира на какое-то время в волшебную сказку, где мне позволено все, где ждут меня разные вкусности и большие книжки с красивыми картинками. А еще ждут меня там громадные львы, свирепые, зубастые морды которых торчат из шкафа.

Волшебная игрушка находится в другой комнате, и чтобы к ней попасть, нужно идти мимо этого шкафа. Я каждый раз прохожу около него с большой опаской – боюсь, что львы схватят меня своими зубами. А в той комнате на громадном столе расположилась целая усадьба. Эта усадьба настоящая – настоящий двухэтажный дом, покрытый красной настоя-

щей черепицей. В доме настоящие двери, окна со стеклами, а в комнатах настоящая мебель и картины. И во дворе усадьбы хлев с коровами и овцами, и деревья, и телеги – и все-все как настоящее, только жить там могут очень маленькие люди. Сбоку расположен пульт с большим количеством маленьких тумблеров. Этими тумблерами можно включить свет в любом помещении усадьбы. У этой игрушки я мог сидеть часами, поочередно включая свет в комнатах дома и рассматривая их через окна. Я фантазировал. Я представлял себя жителем и даже хозяином этого дома, и больше всего мне нравилось жить на втором этаже.

Когда я стал взрослым, то своими руками построил дачный дом. Он оказался почти копией того игрушечного дома с которым я играл в детстве. Вот только крыша у него не черепичная, а во дворе нет домашней скотины.

Раз уж память зацепилась за мои посещения Питера в детстве и юности, то никак не могу не вспомнить своего дядю Лебедева Владимира Васильевича, слишком большое влияние он оказал на меня. В детстве я не был избалован вниманием взрослых, был закомплексован, закрыт и окружающий мир наблюдал через створки своей раковины. Из близких родственников только один дядя воспринимал меня личностью с раннего детства. В его присутствии я, незаметно для себя, покидал эту раковину, становился раскованным и веселым. При встречах дядя Володя всегда уделял мне много внимания. Он подкупал своей искренностью, непосредственностью, юмором и тонким пониманием моих мальчишеских проблем. Должно быть, в душе дядя Володя все еще был мальчишкой. По прошествии многих лет понимаю, что человеком он был удивительным и обладал двумя редкими очень симпатичными качествами.

Первое это – воспитание. Дело в том, что он рос в дворянской семье. Правильное и хорошее воспитание для советского времени было качеством действительно редким. В сумме же с природной добротой оно давало потрясающий эффект.

Только Владимир Васильевич мог быть таким галантным кавалером и до конца жизни (а это 86 лет) не сидел в общественном транспорте, если хотя бы одна женщина стояла. Во время застолья можно было получить большое удовольствие, всего лишь наблюдая за его поведением. Только дядя Володя мог так изящно и непринужденно управляться со столовыми приборами, поддерживать интересный разговор, вовремя и, кстати рассказать анекдот, сделать комплименты дамам, поухаживать за ними. Иногда неназойливо брал инициативу по развлечению гостей в свои руки. Тогда, в зависимости от обстоятельств, либо рассказывал балладу Беранже, либо забавные быльки из питерского послереволюционного времени. Как пример, можно привести такую.

В тридцатые годы особенно популярной личностью в народе был пролетарский писатель Демьян Бедный. О нем говорили: – «Демьян Бедный – мужик вредный». Уж очень не нравилось Демьяну поведение наркома культуры Луначарского, и особенно не нравилось увлечение молоденькими балеринами. Демьян об этом писал, где только было можно, и однажды вынудил наркома ответить на свои выпады эпиграммой:

– Демьян, Демьян, ты возомнил себя советским Беранже. Ты б..., и ты, конечно, ж..., но ты отнюдь не Беранже.

Второе качество – это любовь к жизни и, несмотря ни на что, всегда бодрое и жизнерадостное настроение. Большого оптимиста, чем Владимир Васильевич мне встречать не приходилось. Был он оптимистом вопреки всему. Ведь из толпы явно выделялся, как белая ворона в стае черных. Не только власть видела в нем чужого, но даже кое-кто из обычных людей считал за ненормального. Я же трепетал от счастья, когда видел его.

Дядя Володя любил Россию, знал ее историю и просто благоговел перед личностью императора Петра. О Петре I знал много, видимо впитывая информацию всю жизнь. Порой рассказывал такое, что в печати встречать не удавалось. Очень любил дядя Володя Указы Петра и многие из них помнил.

Чаще всего мы виделись во время всевозможных праздников, когда собиралась вся наша многочисленная родня. И перед тем, как сесть за стол, дядя Володя иногда полностью, а иногда фрагментами, под смех и одобрение гостей зачитывал указ Петра I – «О достоинстве гостевом на ассамблеях быть имеющему»:

Перед появлением многонародным гостю надлежит быти:

- мыту старательно, без пропуска оных мест;*
- бриту тщательно, дабы нежностям дамским щетиною мерзкою урону не нанести;*
- голодному наполовину и пьяному самую малость.*

В гости придя с расположением дома ознакомиться заранее на легкую голову, особливо отметив расположение клозетов, а сведения в ту часть разума отложи, коя винищу менее остальных подвластна.

Явства употребляй умеренно, дабы брюхом отяжелевшим препятствий танцам не учинить. Зелье же пить вволю, нежели ноги держат, буде откажут – пить сидя. Лежачему не подносить, дабы не захлебнулся, хотя бы и просил. Захлебнувшись же слава, ибо сия смерть на Руси почетна. Ежели меры не знаешь – на супругу положишься – оный страж поболее государевых бдение имеет.

Упитых складывать бережно, дабы не повредить и не мешали бы танцам.

Складывать отдельно, пол соблюдая, иначе при пробуждении конфуза не оберешься. Беду почуяв, не паникуй, нескорым шагом следуй в место упомянутое, но по дороге не мешкай и все силы употребляй для содержания в крепости злодейски предавшего тебя брюха.

Будучи без жены, а то и, дай бог, холостым, на прелести дамские взирай не с открытой жадностью, но исподтишка – они и это примечают, не сомневайся. Таким манером и их уважишь и нахалом не прослывешь.

Руками не действуй, сильно остерегаясь и только явный знак получив, что оное дозволяется, иначе конфуз свой на лице будешь носить долго.

Без пения нет веселья на Руси, но оное начинают по знаку хозяйскому, в раж не входи, соседа слушай – ревя в одиночку, уподобляешься ослице Валаамовой, музыкальностью и сладкоголосьем же, напротив, снискаешь многие похвалы гостей. Помни, сердце дамское на музыку податливо.

Но особенно его любимым был Указ, изданный Петром в 1709 году. Его дядя вспоминал чаще других, возможно из-за актуальности, поскольку появившиеся в то время на улицах города стилиаги шокировали публику. Дословно он выглядел так:

«Нами замечено, что на Невской перспективе в ассамблеях недоросли отцов именитых в нарушение этикета и регламенту штиля в гишпанских камзолах с мишурой щеголяют предерзко. Господину полицмейстеру Санкт-Петербурга указую впредь оных щёголей с рвением великим вылавливать, сводить в Литейную часть и бить кнутом, пока от гишпанских панталонов зело похабный вид не окажется. На звание и именитость не взирать, также и на вопли наказуемых».

Точно также любил дядя Володя свой родной город и всегда подчеркивал, что царь Петр – отец города. Переименование города в Ленинград считал деянием кощунственным и не признавал.

Благодаря авторитету и влиянию дяди, любовь и восхищение Петром I поселилось с детства и в моем сердце, правда, придя к православию и прочитав «Народную монархию» Ивана Солоневича мое восхищение Петром несколько поугасло.

С Петром I связано очень значимое событие в моей жизни. А дело было так. 30 мая 1972 года исполнялось триста лет со дня рождения отца города – царя Петра I. Накануне я написал заявление на отгул и ушел с работы с середины дня.

Купил букет гвоздик и спустился в метро. Вышел я на «Горьковской» и, в прекрасном настроении, опьяненный весной и солнечной погодой, быстрым шагом пошел к крепости, по пути в восторге созерцая красоту созданную Петром. Я понимал, что это всего лишь маленькая толика из сотворенного им и в который раз удивлялся тому как много может сделать человек за свою короткую жизнь если имеет великую цель. Прохожу по мостику, захожу в главные ворота крепости и, в душе начинает нарастать какое-то беспокойство – уж больно пустынно в Петропавловке. Действительно, подхожу к собору, а входная дверь закрыта – ни объявлений, ни объяснений никаких. На площади, недалеко от входа, в позах, выражающих недоумение, стоят человек пять-семь таких же чудаков, как и я, и тоже с букетами.

В каком-то смятении и, как это ни странно, надежде я быстрым шагом пошел вокруг собора. Пробегая по внутреннему двору, почувствовал на себе взгляд. Оборачиваясь и встречаюсь глазами с приятной пожилой женщиной, стоящей у неприметной двери в собор. Излучала она бесконечную доброту:

– Молодой человек, вы к Петру?

Появилось ощущение, что в этом действе участвую уже не только я, но и кто-то свыше. Усилив воли, придавав распирающее меня негодование, кротко ответил:

– Да...

– Подойдите сюда.

Я подошел. Поздоровался. Женщина улыбнулась и, осматривая меня с явной симпатией, сказала:

– Молодой человек, сейчас я отведу вас к могиле Петра и оставлю с ним один на один на целых пятнадцать минут. Я знаю, что у вас есть, что сказать императору в день его юбилея. Не стесняйтесь, говорите, будьте, уверены, он вас услышит.

Мы прошли несколько помещений, я ничего не запоминал, поскольку психологически был уже там, у Петра.

Открываем потаенную дверь и попадаем в совершенно пустынный собор – усыпальницу императоров Российских. Подходим к могиле Петра. Живые цветы возвышаются над надгробием не менее чем на метр. Прежде чем уйти, женщина обратила мое внимание на бюст, установленный рядом с могилой, и сказала, что это единственный бюст, который делался с живого Петра. Свою работу скульптор Растрелли закончил в 1724 году, то есть за год до кончины Петра 1. Бюст не принадлежит Петропавловскому собору и взят только на время юбилея. Наконец она ушла по своим делам и оставила меня одного.

Петропавловский собор, усыпальница Петра

Я положил цветы и стал внимательно рассматривать бюст, пытаясь представить царя живым. В то же время, размышлял: с какой стати, почему я, самый, на мой взгляд, недостойный, был выбран судьбой представлять народ в день трехсотлетия со дня рождения Великого гражданина России и у могилы что-то примитивное говорить ему в этот день. Может

быть, Петр и не обиделся, ведь он хорошо относился к простым людям, ну а его царственные наследники, наверное, уморились смеяться, глядя на такого простофилю.

А может быть все как раз и правильно, и я здесь не случайно. Петр должен видеть, что простой народ его, Петра, помнит, любит, и ценит труд, положенный на благо России. Власть же, по непонятным причинам, старательно вымарывает это великое имя из истории.

Вот и град, названный при рождении царем именем Святого Петра, почему-то называется Ленинградом. Институт, который я закончил, при рождении был назван Политехническим институтом им. Пера Великого, а теперь он – имени крестьянина-токаря М.И.Калинина. Должно быть, власть считает это имя более достойным.

Пятнадцать минут пролетели так быстро. Появилась моя благодетельница и тем же путем вывела меня из собора. Пока шли, душа металась: «Как отблагодарить за такой удивительный подарок?».

И вот уж мы во дворе, а я стою в растерянности. Рабоче-крестьянское государство этикету не обучало, и иногда я невольно попадал в затруднительные положения.

В дальнейшем жизненный опыт, конечно, дал рецепт. Рецепт безотказный, и пришел он из Польши. Поцеловав женщине ручку, можно положительно решить абсолютное большинство проблем, возникших между вами.

Так ничего и не придумав, кроме банального «спасибо», я оставался некоторое время стоять у собора, переполненный впечатлениями, несколько озадаченный и недовольный собой.

На следующий день проснулся с чувством горечи и недоумения. Хотелось думать, что закрытый собор – всего лишь случайное недоразумение, может, случилась какая авария в районе.

Утром в киоске «Союзпечать» купил все газеты, которые вышли 31 мая. Пришел на работу, листаю: «ПРАВДУ», «ИЗВЕСТИЯ», «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ», «СМЕНУ» – нигде ничего. Осталась «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА», на последней странице которой мелким шрифтом сообщение о собрании питерских историков посвященном юбилею Петра.

С ранних лет я страстно рвался в этот чудесный город даже не потому, что он удивительно красив и насыщен объектами культуры как никакой другой, а главным образом из-за того, что там жили, как мне казалось, совсем другие люди. Их поведение, речь сильно отличались оттого, что я привык наблюдать у себя дома, в рабочем поселке Невдубстрой и отличие это было очень приятное и притягательное. Мужчины были галантнее с женщинами, женщины сдержаннее, во всяком случае, рядом с мужчинами, детям всегда уделялось значительно больше внимания, чем у нас в поселке и тон общения был не сверху вниз, а на равных. Уже в зрелом возрасте я расшифровал это явление как результат попыток перенять что-то из внешнего поведения значимых в России людей – дворян. Несмотря на искусственную социальную униженность новой властью, они после революции все равно оставались для населения самыми авторитетными людьми. Оказалось, что не только мой дядя, но и большинство тех питерских с кем я общался в детстве, были в довоенные годы в прямом или косвенном контакте с так называемыми «бывшими». Думаю, что всем питерцам в большей или меньшей степени кое-что хорошее, доброе перенять удалось, и это было отражением той большой культуры, с которой им в молодости пришлось соприкоснуться. Я счастлив тем, что общался с людьми, носившими в себе этот свет, это отражение великой культуры. Они казались странными для простого советского обывателя и вынуждены были иногда терпеть хамство в свой адрес. Несколько раз я был свидетелем таких случаев и удивлялся их реакции. Они не оправдывались, ничего не доказывали, а просили прощения и уходили в сторону.

Конечно, предыдущее поколение, на котором я заметил отражение той высокой культуры состояло совсем не из алмазов, это были камни попроще, но даже соприкосновение с настоящей культурой грани этих простых камней все же слегка обработало.

Я уже не отражал ничего, нечего было отражать, огранять пытались, но уже не культурой, которую загубили, а идеологией. Свет погас. Дети мои, да и все современное поколение совсем не видели ни этого света, ни его отражения.

Память о детстве у меня, пожалуй, богаче, чем у большинства моих сверстников, ведь почти каждый год я бывал еще и на Украине. Вот картинка, которую я хорошо помню, а мне всего шесть лет.

Мы с отцом едем поездом из Днепропетровска в Новомарьевку. Я сижу у окна и, не отрываясь, смотрю. Все здесь другое, не такое как на севере: и дома, и вокзалы, и природа, и погода. Домики точно как на картинках – белые и крытые соломой. Поезд летит мимо этих домиков и мимо бескрайних полей в светлом, светлом пространстве, наполненном неумолкаемым стрекотом цикад, затягивая в свои открытые окна раскаленный воздух, наполненный непривычными ароматами, а временами и дымом паровоза. Вот, наконец, он останавливается, и мы, счастливые и радостные, выходим на маленькой станции с красивым названием – Незабудино. Станция не только имеет красивое название, но и представляет собой зеленый оазис в желтой степи. Это одноэтажное красное кирпичное здание, вокруг которого растут высоченные пирамидальные тополя. У вагона нас встречает родной папин брат, усаживает нас в свой мотоцикл с коляской, и мы, поднимая клубы пыли, едем по дороге, по обеим сторонам которой поля: то пшеницы, то кукурузы, то подсолнечника.

Не прошло и четверти часа, как нас, со слезами радости на глазах, уже встречают во дворе родового отцовского дома. И тут же во дворе бабушка знакомит меня с соседским мальчиком, которого звать Петя, но все зовут его Петро. Мальчик такого же возраста, как и я, и в нашем дворе был не случайно, ждал он, оказывается, моего приезда. Мы с таким интересом отнеслись друг к другу, что отказались идти за стол обедать и пошли гулять через огород по направлению к саду. Мы наперебой делились своими глубокими познаниями и хвалились друг перед другом своими умениями, стгоряча не очень-то обращая внимание на то, что языки наши, мягко говоря, не совсем стыкуются. На первых порах главное было рассказывать, а не выслушать. Идиллия длилась недолго. Минут через десять мы чуть не подрались и прибежали оба к бабушке жаловаться. Я, на правах гостя, начал первым:

– Бабушка! Бабушка! А чего он кривляется и выдумывает всякую ерунду?

Бабушка села на лавку:

– Ну, так что случилось?

– А мы идем по огороду, я и говорю: «Петро, смотри какой маленький арбуз». А он засмеялся и говорит, что это не арбуз, а кавун. Потом показал на тыкву и сказал, что это арбуз.

Бабушка слушает меня с улыбкой, а я раскрываю кулачок и показываю бабушке. На моей ладошке сидит божья коровка. Видя поддержку, я продолжаю:

– Вот, бабушка, божья коровка, а он говорит, что это солнышко, а солнышко, вон оно. – Я показал пальцем вверх и замолк, довольный своей четкой аргументацией.

Воспользовавшись паузой, начал делиться своими впечатлениями Петро:

– Баба Фима! Во брешэ, во брешэ. Чі там у Лэнінграді усі такі брехуны.

Бабушка засмеялась и, обняв нас, сказала мне:

– Женя, ты говоришь все правильно.

Потом посмотрела на Петра:

– И ты, Петро, прав. Просто люди в разных местах одно и то же называют по-разному. В Ленинграде говорят арбуз, тыква, а у нас в Марьевке это кавун, гарбуз. Ты, Женя, приехал в гости к нам, в Марьевку, и должен учиться называть вещи так, как принято у нас. А когда

Петро придет в гости к вам в Ленинград, то будет учиться говорить так, как говорите вы. Так что, Женя, ты учись говорить по-нашему, а Петро тебе будет помогать.

Бабушка встала и пошла к обеденному столу, а мы с Петром побежали в сад. Целый месяц мы гуляли вместе и за все это время ни разу не поссорились.

– Женя! Фасолевый суп любишь! – кричит бабушка в сторону сада.

Я стою у любимого сливового дерева и угощаюсь желтыми сахарными сливами.

– Люблю, – отвечаю.

– Тогда иди ко мне.

Захватив несколько слив про запас, бегу к бабушке. Она, улыбаясь, протягивает мне кошелку:

– Раз любишь, то вот тебе кошелка. Иди в огород и набери в нее стручков. Фасоль уже созрела. А на столе, вон видишь, лежит холщовый мешочек. Сколько фасоли наберешь в мешочек – все твое. Зимой в Ленинграде мама сварит твой любимый фасолевый суп, будешь есть и вспоминать Украину.

Да! Украина вспоминается, как сказка из «Тысячи и одной ночи», как что-то очень светлое и жаркое, но с темными-темными ночами, абсолютно черным бархатным небом с яркими звездами и четко обозначенным Млечным путем. И озвучена эта красота круглосуточным стрекотом цикад. Вспоминается она своими пирамидальными тополями, безбрежными, как моря, полями, лесополосами из колючего глядыча, и обилием вкусов в виде разнообразных фруктов, винограда, арбузов и дынь.

И конечно, какая же там была интересная мальчишеская жизнь, большая часть которой проходила рядом с водой. Вода в ставках всегда очень мутная, и совсем неожиданным было обилие живности, которая в этой грязи водилась: и карпы, и караси, и раки. А какие там лягушки! Это настоящие великаны, и название у них интересное – скрекотень. Название очень точное, распевают они свои любовные песни скрипуче и громко. Размерами эта лягуха раза в три превосходит лягушку северную. Идешь с удочками, а они с крутого берега прыгают от тебя в воду и летят по воздуху метра по три-четыре.

Охота

Когда мне исполнилось двенадцать лет, пребывание на Украине раскрасилось новыми красками, ведь отец, наконец, начал брать меня с собой на охоту. Мероприятие это было тогда важное и ценное всеми. Взрослые меня тут же захвалили, и ощущал я себя в новом качестве – в качестве добытчика и кормильца. И это действительно было где-то похоже на правду. Ведь в сельских магазинах продукты практически не продавались, и ели мы только то, что сами добывали. А мясо, оказывается, могли добыть только мы с отцом. Да и какое мясо! Жирные перепела и голуби – это же настоящие деликатесы.

Чтобы добыть дичь, конечно, одного мастерства было недостаточно, нужно было быть еще терпеливым, и выносливым. Возвращались с охоты, когда солнце было уже высоко, и температура в тени иногда превышала 35 градусов. Встречал нас полный двор народа, как ратников с поля боя. Да, летом собиралась там вся наша родня, и за обеденным столом меньше десяти человек не бывали. На обед же обязательно подавался любимый всеми традиционный украинский борщ. Порой он был приготовлен на перепелах. Жир от них в ведерной кастрюле – толщиной с палец, а сами перепела плавали в борще как галушки. Женщины, насыпая борщ в тарелки, меня уже выделяли, и получал я свою порцию сразу после мужчин, и перепела мне в тарелку выбирали покрупнее, а перепела лежали в тарелке у всех, даже у детей.

Перепел – птичка удивительная, серенькая, размерами чуть больше скворца. Она очень разговорчивая и кричит днем и ночью. Песня перепела характерная и на человеческий язык переводится так: «Ва-ва, ва-ва, спать-пора, спать-пора, спать-пора». Если эти слова прочитать быстро и громко, то это и будет песня перепела. Летает перепел небольшими стайками, буквально не более десятка, и любит кормиться на полях, где растут зерновые. Мы с отцом чаще всего охотились на просянном поле. К концу августа откармливается перепел до шарообразного состояния, вот тогда-то он и представляет интерес для охотников. Взлетают перепела со своего просяного поля как тяжелые микроистребители. Каждый перепел взлетает абсолютно по прямой и машет крыльями так отчаянно, что их почти не видно. Стреляют его самой мелкой дробью, и иногда от одного выстрела падает сразу пара. За выход отец добывал по два-три десятка. Моей задачей было, после удачного выстрела, собирать их и складывать в рюкзак. Когда мы возвращались с охоты, низ рюкзака становился черным, поскольку пропитывался перепелиным жиром, и к следующей охоте женщины вынуждены были его застирывать. Перепел нагуливал столько жиру к осени совсем не случайно. Ведь в сентябре летел он в Крым, где собирался в большие стаи, порой по несколько тысяч штук в каждой. И уже такими громадными стаями летел перепел дальше на юг, к Египетским пирамидам. Летит он только ночью и в дороге очень мало ест. Запас жира служит перепелу горючим во время перелета. Нагулять жир для этой птички вопрос жизни и смерти. Тощая до Египта не долетает и гибнет в пути.

Охота на перепела была не такая тяжелая, как охота на дикого голубя. Это я рассуждаю с положения своей почти собачьей охотничьей функции. Ходить по просянному полю значительно легче, чем по полю засаженному подсолнухом или по-украински – «соняшником», а дичь подстреленную находить и тем более, легче.

Как только заходим с отцом на поле с подсолнухом, я из-за своего маленького роста тут же перестаю что-либо видеть и ориентироваться в пространстве. Под ногами растрескавшийся от жары серый степной чернозем, перед глазами со всех сторон меня окружают толстенные стебли подсолнечников, а над самой головой маленький кусочек ясного белого южного неба, остальная часть горизонта во все стороны занята тарелками подсолнуха, плотно набитыми семечками. Все тарелки, как локаторы, смотрят, не отрываясь, на солнце.

Голова подсолнечника колючая, царапучая, и удар ее очень неприятен, поэтому плетусь за отцом на приличном расстоянии. Вдруг он останавливается, вскидывает ружье – выстрел. Я стою сзади и вопросительно смотрю отцу в затылок, почти как собака, ждущая команды – «пиль». Отец же, как всегда, внешне спокоен и не суетен. Открывает ружье, вынимает стреляную гильзу, из ствола идет дым, гильзу кладет в патронташ, загоняет в ствол заряженный патрон и только после этого поворачивается ко мне и показывает рукой направление, куда нужно идти. Я срываюсь с места и бегу в указанном направлении. Пробежав метров 20—30 и не найдя подстреленной дичи, шевелю ближний к себе подсолнух, и отец корректирует мое местоположение. Стрелял отец фантастически метко. Рекорд, свидетелем которого я был: десять выстрелов – девять голубей. Как раз в тот день, когда рекорд этот был установлен, произошел забавный случай. Принес я отцу очередного подстреленного голубя, он его осмотрел и говорит:

– Жень, посмотри, может, ты видишь на нем какие-то повреждения?

Я посмотрел: и действительно, крылышки целы, ран никаких нет, а голубь мертвый.

– Нет, – говорю я, – не вижу никаких повреждений.

Отец положил голубя в рюкзак, посмотрел на солнце, посмотрел по сторонам и говорит:

– В десяти минутах ходьбы начнется лесополоса, а за ней бахча. Солнце уже высоко. Мы устали. Дойдем до бахчи, съедим по арбузу, отдохнем и пойдем домой.

И мы пошли. Выбрали два арбуза и устроились в лесополосе, в тенечке. Отец вынул из ружья патроны и вставил в стволы два патрона по ползаряда, заряженные специально для меня, потом ножом отрезал донышко арбуза и говорит:

– Вот тебе мишень. Перед тем как пойдем домой, постреляешь.

И вот арбузы съедены, мы сидим, отдыхаем. Накатилась какая-то вялость, и мне даже лень идти к ружью и расстреливать свою арбузную мишень. Вдруг отец спрашивает:

– Жень! Сколько мы сегодня застрелили?

Я не задумываясь:

– Двенадцать.

Отец, после некоторой паузы:

– А мне кажется, больше.

После этих слов берет он рюкзак и высыпает голубей на землю, чтобы их пересчитать. Один голубь тут же свечкой взмывает в небо и скрывается за кронами деревьев.

Куда девалась степенность отца – не знаю. С невероятным проворством схватил он с земли ружье, вскинул к плечу, секундная пауза, выстрел. Слышу, впереди на кроны деревьев что-то падает, я побежал туда, взял подстреленного голубя, и радостно кричу:

– Пап! Теперь ты подстрелил его по-настоящему, и он больше не улетит!

Подхожу к отцу, даю ему голубя, а он стоит грустный. Взял голубя, положил в рюкзак и говорит:

– А ведь я неправ. Я не должен был стрелять....

Он имел право улететь.

Невозможно писать об охоте и не отметить профессионализм отца в это деле.

Когда он охотился, то был лучшим охотником в Кировске и окрестностях. Несмотря на то, что Синявинские высоты в 1947 году еще были не до конца разминированы, отец ходил с ружьем и туда. Дичи приносил столько, что подкармливал и друзей, и соседей, а ведь время было голодное, и тут же пошла о нем слава как об удивительном охотнике. В тоже время жил в Кировске хороший охотник по фамилии Шитиков. Человеком он был амбиционным и не мог примириться с тем, что кого-то людская молва ставит как охотника выше него. Вызвал Шитиков отца на соревнование. Условия были такими: охотятся на тетерева из-под одной собаки, стреляют по очереди. Время охоты – воскресенье, с рассвета и до заката. Это

был сентябрь, а в нем от рассвета до заката уже не так и много. Отец согласился. Ружье у него в то время было советское – серийная «Тулка». Шитиков же охотился с уникальным штучным ружьем австрийского мастера под номером 305.

История ружья такая. Охотился в 1943 году из этого ружья на лося в наших лесах под Ленинградом какой-то немецкий граф, и неожиданно для себя сам стал дичью партизан. Ну а после войны ружье каким-то образом досталось Шитикову.

Потерпел в этом соревновании Шитиков полное фиаско. Застрелил отец за день 16 тетеревов, установив для себя абсолютный рекорд, Шитиков же добыл всего девять штук. Однако амбиции Шитикова были столь высоки, что все равно он не признал, что уступает отцу в классе, и оправдал свое поражение тем, что якобы у отца ружье лучше. Отец же, будучи человеком технически грамотным и очень разумным, давно понял какое уникальное ружье у Шитикова. Понял отец и другое, что амбиции Шитикова не случайные и охотник он классный, но ружья своего не понял и пользуется им неправильно. Дело в том, что у австрийского ружья стволы были почти на сто миллиметров длиннее, чем у тульского и оба ствола чоковые, то есть одинаковые, и предназначены для стрельбы на расстоянии. Из этого ружья нельзя стрелять дичь на взлете, а надо ждать, пока она отлетит. Шитиков же этого не понимал и стрелял на взлете, а это почти тоже, что пытаться попасть в летящую птицу из винтовки. В общем, предложил отец ему поменяться ружьями, и обмен состоялся. И не только обмен, стали они время от времени охотиться вместе. Отцу это было на руку, поскольку жил Шитиков в собственном доме и была у него отличная охотничья собака по имени Дамка. После первой же совместной охоты признала Дамка отца за хозяина и самостоятельно прибегала к нам в гости на обед. Было мне тогда четыре года, и жили мы на Первом городке поселка Невдубстрой. С собакой мы тут же стали друзьями, и припасал я для нее вкусненькое. Мать же запрещала баловать собаку, и я вынужден был бросаться на хитрости. Заканчивая обедать, измазывал руки в еде, подходил к Дамке и просил ее помыть мне ручки. Она с благодарностью, тщательно облизывала мне руки, и мы уходили гулять на улицу.

Однако вернемся к тому, что появилось в нашей семье, по сути музейное, штучное, уникальное австрийское бескурковое ружье. На металле гравировка – сцены из охоты, где главное действующее лицо – тирольский охотник в гетрах и шляпе с пером, ложа из натурального ореха и отделана костью. На протяжении двадцати лет ружье это для отца было большой радостью, гордостью и счастьем. Ушло оно из семьи также неожиданно, как и попало к нам. Практически просто так, за символическую плату он отдал ружье какому-то мало знакомому человеку.

Находясь в полном здравии, в возрасте 45 – 48 лет отец вдруг перестал ходить на охоту. Причина, которую он время от времени озвучивал – что, мол, ходить ему на охоту стало неприятно, поскольку перевелся настоящий охотник, и в лесу с ружьями ходят одни убийцы, которые стреляют все живое. Правда в этом, конечно, была, но правда не вся и не главная. Стала вдруг его мучить совесть, и стал он жалеть те птичьи души, которые погубил в своей жизни. Бывало вечером, глубоко вздохнет и тихо скажет:

– Сколько птичьих душ погубил, и зачем, ведь они хотели жить.

В охотничьей биографии отца был и еще один эпизод, когда все безоговорочно вынуждены были признать, что он действительно лучший охотник в Кировске.

Как-то в сентябре 1958 года приходит отец с работы и говорит, что за Кировском построено стрельбище для стрельбы по тарелочкам и в следующие выходные будет соревнование на звание лучшего охотника города.

В воскресенье на стрельбище собралась половина населения города. Мальчишки же были там точно все. Развлечений в то время было мало, и такое событие народ пропускать не желал. В поле за городом был сооружен бетонный стол высотой с метр. Рядом с ним

бетонное укрытие, из которого специальная машинка выстреливала маленькие черные тарелочки, причем выстреливала их в разные стороны.

Участники соревнования по очереди поднимались по лестнице на стол, и сначала каждому машинка запускала три тарелочки для пристрелки. Когда охотник был готов, он резко говорил: «Дай», и машинка выпускала тарелочку. После этого каждый охотник стрелял две серии по десять тарелочек. Когда все отстрелялись, лучший результат оказался у отца и еще у одного охотника, сбили они по 18 тарелочек из двадцати. Для выявления победителя была назначена перестрелка, до первого промаха. По пять тарелочек разбили оба, шестую поразил только отец, соперник промахнулся. Стрельба отца производила большое впечатление на зрителей. Зная особенности своего ружья, вынужден он был стрелять совсем не так, как все. Стрелял как бы с выдержкой времени, когда тарелочка отлетала подальше. Со стороны казалось, что он так уверен в себе, что немного пижонит и стреляет только тогда, когда тарелочка улетит далеко.

Успех отца произвел такое впечатление на моих дворовых друзей, что несколько дней подряд я ходил в героях.

1958 год, отец в середине, победитель соревнований по стендовой стрельбе

Охота в детстве была самым главным и значимым мероприятием для меня, но охотником я не стал. Выяснилось, что так все сложится в отношении охоты для меня опять же еще в детстве. Этот случай я хорошо запомнил, произошел он уже на наших невских берегах.

Мы с отцом медленно идем по еле заметной тропинке. Утренний туман почти рассеялся, на траве и кустах обильная роса. Вокруг так сыро и мокро, как бывает после сильного дождя. Рядом с тропинкой начали попадаться воронки. Я держу в поле зрения идущего впереди отца и не забываю свою основную работу на охоте – сбор грибов. Грибник я уже опытный и знаю, что по краю воронок любят расти грибы и особенно хорошо растут там, где мелкие березки или осинки.

Мы дошли почти до лесного озера но, ни одна утка не взлетела. Должно быть, вчера вечером здесь охотились, и ее пугнули. Десять дней как открыта охота, и вся утка напугана. Она не понимает, что вокруг твориться. Только что спокойно гнездилась и кормилась, а теперь не может сесть на воду, стреляют в нее, бедную, изо всех кустов.

Вдруг слышу характерный свист крыльев и вижу, что на почтительном расстоянии от нас тянет пара чирков. Летят они очень быстро и красиво, крыло в крыло, и напоминают парочку истребителей МИГ-17. Смотрю, отец вскидывает ружье. Выстрел. Одна из уток как будто на что-то натывается и начинает падать по пологой линии. Я замечаю место, куда она упала, ставлю корзину на тропинку и бегу туда. Упала она в траву, метрах в десяти от озера. Место ее падения я заметил очень хорошо. Прибегаю, все внимательно осматриваю, – утки

нет. Исчезла, испарилась. Минуты три я хожу вокруг этого места. Круг моего поиска расширился до берега озера и до ближайших кустов – утки нет. Я в растерянности, ничего не понимаю, и возвращаюсь на то место, куда утка упала. Вдруг неожиданный резкий крик, от которого я вздрогнул. Из под моей ноги порхнула и побежала по траве уточка, волоча за собой левое перебитое крыло. Время от времени она оглядывалась на меня. В глазах утки я видел и панику, и ужас. Я, конечно, ее поймал и понес отцу. Меня душила жалость к этой уточке, я вдруг понял, что это существо думающее. Ведь я топтался в полуметре от нее, а она замерла и не шевелилась, понимая, что серенькая, что сливается с травой, и ее не видят.

Я подошел к отцу и отдал ему утку со словами:

– Вот, поймал.

Отец увидел мое состояние и строго спросил:

– Почему она живая? Она же мучается.

– Я не знаю, что делать, – ответил я.

Отец взял утку за туловище, резко ударил головкой о приклад ружья и, повесив ее сбоку на удавку, сказал:

– Женья, ты охотник, а это дичь. Дичь на охоте жалеть нельзя.

И вот прошло много-много лет, и стало мне понятно, как важен был в моей жизни этот эпизод с уткой. Очевидно, что отец мой был абсолютно прав, но ясно и другое. Понятно мне теперь, что, возможно, родился я совсем для другого времени, когда нарушилось равновесие на Земле между человеком и миром животным. У человека сейчас осталось одно право по отношению к дикому животному миру – любить и сохранять. Иначе как объяснить то, что в своем роду я должен был стать четвертым поколением охотников. Все к этому шло, и с самого раннего детства рос я на легендах о своих знаменитых предках-охотниках. Что стоит только то, что дед мой Иван охотился на дроф, и писал статьи в журнал «Охота и охотничье хозяйство». А отец? Высокий профессионализм охотника совсем не противоречил его любви к природе. Однако охотником я не стал, хотя охотничий билет имел, и в лес с ружьем иногда ходил, но интересен там мне был сам процесс, а совсем не результат. Этот эпизод показал, что даже утка не станет для меня дичью, а я не стану охотником, и династия охотников в нашем роду завершится на моем отце.

Друзья. Соседи

Друзья, моих родителей, которых я неизменно видел на праздниках в нашем доме пока жил там, почти все украинцы. Они были людьми разными и, в конце концов, разность эта их развела, как и вообще жизнь разводит людей. Однако сразу после войны встречались они не менее двадцати лет. Что же так долго могло держать людей вместе, если нет родственных связей? Думаю происхождение, язык, украинские песни, без которых ни одна их встреча не обходилась и, конечно, общая судьба. Все они встретили войну на западных границах нашей страны и были заключенными советского концлагеря в Невдубстрое, а до этого заключенными немецких концлагерей, и они не вернулись на Украину, а женившись на русских девушках, остались жить и трудиться до конца своих дней на невских берегах. Вот фамилии семей, с которыми мы дружили: Загорулько, Щекотько, Максименко, Федорченко, Радченко. С раннего детства я любил наблюдать эти встречи, они были легкими, веселыми. Вот уж действительно, правда, что национальная черта хохлов – это юмор и певучесть. Имея, в течение своей жизни много контактов с украинцами убеждался я в этом неоднократно. Удивительно, что такой интересный талантливый и большой народ не смог подарить миру ни великих композиторов, ни писателей, ни художников, все у них мелкого местечкового уровня. Думаю это потому, что веками жили украинцы на плодороднейших землях и в прекрасном климате, а еще они были буфером между Западом и Россией. Такая жизнь не выработала у них основательности и упорства, зато выработала продажность. Все это мы сегодня и видим.

Очень жесткое и в тоже время точное стихотворение «На независимость Украины» написал Иосиф Бродский. Должно быть его возмутила легкость с которой Украина пожертвовала вековыми отношениями с Россией ради сиюминутной выгоды.

.....

*Скажем им, звонкой матерью паузы метя строго:
Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.
Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, суп выбирая в чаще,
А курицу из борща грызть в одиночку слаще.
Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днепро, может, он вспять покатит.
Брезгуя гордо нами, как оскомой битком набиты,
Отторгнутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом, вашего хлеба, неба
Нам, подавись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях покопом.
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзобом,
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает, вам, калунам, покоя.
Ой, ты левада, степь, краля, баиштан, вареник,
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.*

*Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза
Нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухаи,
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
Будете вы хрипеть, царапая край матраса,
Строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Интересно, что на этих встречах никогда не говорили о войне, о плене, о жизни в концлагерях, и никогда не обсуждали власть. Мне это стало интересно, наверное, когда учился уже в классе десятом. Начал задавать вопросы, но они отшучивались и не отвечали. Сейчас я понимаю почему? Неправду говорить не хотели, а правда она была в противоречии с тем, что озвучивала власть. Должно быть война, тяжелая судьба каждого, научила их быть осторожными и аккуратными. И все же два раза они проговорились. Как то, отпраздновав очередной праздник 9-е мая, женщины пошли в другую комнату говорить свои разговоры, оставив мужчин одних за столом. Я негромко включил телевизор, а там диктор рассказывал о том, как Гитлер вероломно напал на нас. Вдруг мужчины за столом склонились головами друг к другу и заговорили шепотом. Я тихо подошел к ним. Федорченко Яков Кириллович возмущенно шептал:

– Врут! Как же они врут! Ведь мы готовились напасть первыми, да немцы нас опередили. Технику-то целыми эшелонами везли к границе, а горючего не было. Все это я видел собственными глазами, а свидетелей-то и не осталось. Немцы в первый день раздолбили и нас, и технику. Контузило меня, как выжил, так и не понял. Может все это бардак, а может и предательство? Обороняться нас не учили, зато учили наступать и еще простым немецким фразам, всем даже выдали маленькие русско-немецкие разговорники.

К разговорноу подключился мой отец:

– Что там разговорники! Каменский рассказывал как-то, что им на руки выдали карты прилегающей местности, не нашей, а за границей. В общем «меньше крови на чужой территории».

Все саркастически заулыбались и тут же прекратили свой разговор, увидев меня, развесившего уши у их стола.

Второй раз они проговорились не в это время, в другое, уже значительно позже, и тема была другая. Провокация приключилась снова со стороны телевизора. Там говорили о бесчеловечности немцев во время войны. И все-то мазалось только черной краской. Не вытерпел Степан Михайлович Загорулько. Уже без всякого шепота, а громко сказал, что все они врут, и в нашем советском лагере было бесчеловечнее и унижительнее, чем в немецком. Там было хоть понятно за что сидели, а немцы, мол, не такие и звери, и наших немощных пленных не расстреливали, а лечили и он тому свидетель. Рассказывает:

– Пилю я во дворе госпиталя дрова. На крыльцо выходит врач в белом халате, подзывает. Положил пилу. Поднимаюсь на крыльцо. Он заставил снять рабочую одежду, дал халат и повел в операционную, а там немецкий хирург пытается спасти нашего военнопленного от гангрены на ноге. В общем дали мне специальную медицинскую пилу и пилил я кость нашему выше колена. Так хреново мне стало, что когда вышел на улицу, то меня вырвало. Непонятно чем, ведь ели мало, постоянно голодали. Другим жилось лучше, им помогал Красный крест. А ведь от него отказался не Гитлер, а Сталин. Объявил на весь мир, что пленных у нас не будет, а нас там, говорят, в немецких лагерях было миллионов пять, а вернулись на родину, может от силы два, остальные погибли или остались там на Западе. Сталину многие не верили, и не захотели возвращаться.

Плен всем им мешал жить в самом демократичном и человеколюбивом советском обществе и в течение лет двадцати пленом при случае их попрекали. Моего отца и того

больше, поскольку он к пенсии вырос до главного технолога завода. Из-за того, что был в плену, при Хрущеве, в Москве его вычеркнули из списков награжденных орденом Красного Знамени, а при Брежневe трижды снимали с должности из-за беспартийности.

Слава Богу, всем им Господь подарил здоровых детей и годы жизни, которые прошли они все достойно. Отец мой прожил 87 лет. Пережил его только Иван Щекотько. Был он в храме на отпевании отца. На поминках встал с рюмкой в руке долго собирался, наконец дрожащим голосом сказал: «Анатолий, ...как же тебя всю жизнь унижали! Как ты это терпел?». Заплакал и сел.

Теперь самый раз вспомнить о моей жизни в доме на улице Советской, и соседях, которые меня тогда окружали. Двадцать лет прожил я в маленьком двухэтажном доме, а двор наш был сформирован тремя такими домами. Определенно, что каждая семья, проживавшая в нашем доме, была по-своему оригинальна и интересна. И что странно, сейчас, кажется, и, пожалуй, даже я уверен в этом, что разношерстность семей в домах была совсем не случайной. Конечно, я далек от мысли, что кто-то на местах специально думал, как посильнее перемешать людей. Однако то, что все-таки это чиновниками делалось на уровне подсознательном, где работал мощный инстинкт самосохранения, было несомненным. Ведь что удивительно, не только в нашем доме, но и во всех соседних было определенное отчуждение семей друг от друга. И причем отчуждение естественное, а совсем не случайное. Все люди в нем были из разных прослоек общества, с абсолютно разными интеллектами и, конечно, интересами. Имело место еще одно расслоение людей, которое было присуще только социалистическому обществу Советского Союза, самому передовому в мире обществу, как утверждали его лидеры. Ущемлены в правах были больше двух миллионов мужчин бывших во время войны в плену, ну и конечно те, у кого не было партийного билета в кармане. Вот так и жили, в одной квартире хозяин умный, с руками и головой, но был в плену и беспартийный, а в соседней пьяница и дурак, но в плену не был и коммунист. Власть же людей оценивала по анкетам, а не по делам, и второй всегда имел преимущество перед первым. А ведь со стороны казалось, что все живут одной семьей и одними интересами. Во дворе, например, бегают дети, и все присмотрены дворовыми бабушками, которые прекрасно знают, какой ребенок чей. Гармония, однако, эта была только на уровне маленьких детей и бабушек. На уровне взрослых – дисгармония полная.

В бытовой жизни власть, как и везде, насаждала нам надуманную и противоречивую идеологию. Самый передовой класс, с которого всем надо было брать пример и учиться у него, – рабочий класс. Правда, не совсем понятно, чему учиться. Пьянство, мат, драки – весь этот негатив исходил в основном из рабочих семей. Пьянство имело место и в семьях интеллигентных, но оно там не было таким массовым и напоказ не выставлялось. В то же время и говорилось, и писалось, что если рабочие будут жить рядом с интеллигенцией, то их культурный уровень непременно вырастет. Оно, возможно, хоть в малой доли так бы и было, если бы положение в обществе интеллигенции гуманитарной и технической было бы естественным, соответствующим сложному труду, которым они занимаются. Народ обязательно должен видеть, что сложный труд оценивается обществом значительно выше простого. Реально же, в советское время, власть унижала интеллигенцию и морально и материально. Знания и культуру она только декларировала как ценность, а практически за ценности не признавала и дискредитировала в глазах народа. Все это видели очень хорошо, поэтому словам не верили, и результат смещения оказался на деле противоположным обещанному властью. Культура и профессионализм граждан страны за годы советской власти заметно понизились.

Моя семья не имела большого культурного превосходства по сравнению с соседями, и сейчас, с позиции прожитых лет, мне кажется, что для меня это смещение было определенным благом. В моем маленьком дворе на улице Советской (какое символичное назва-

ние) было представлено в миниатюре все тогдашнее, именно советское общество страны. Не было у нас только религии, поскольку городок появился на земле при советской власти. Но и здесь кто-то свыше побеспокоился обо мне и дал возможность соприкоснуться с христианством, причем в самом его ортодоксальном виде – старообрядчестве. Бабушка жила недалеко в деревне, и была истовой староверкой. Таким образом, оканчивая школу и вступая во взрослую жизнь, я соприкоснулся со всеми явлениями этой жизни, мог их достаточно объективно сравнить и был хорошо подготовлен для существования в советском обществе.

Так что же люди жили в моем доме? На нашем этаже в первой квартире жил электрик с семьей, во второй жила моя семья, отец начальник цеха. В третьей – хирург, главврач нашей городской больницы с женой, тоже врачом, и двумя детьми. В четвертой – кузнец, Иван Петрович, с женой и пятью сыновьями. Думаю одного этажа достаточно, если перечислять всех, то картинка не изменится. Остановлюсь несколько подробнее на трех семьях, которые преподали мне особенно важные уроки.

Начну с четвертой квартиры, с Ивана Петровича. Трезвым я его видел, может раза три-четыре за всю жизнь. Пил он и на работе. Вспоминаю такой случай. Однажды Ивана Петровича лишили квартальной премии. Вечером директор уходит с завода и слышит, что как-то странно работает молот. Пошел в цех и что видит: Иван Петрович и его напарник оба в стельку пьяные. Иван Петрович на молоте пытается сыграть «яблочко», а напарник посреди цеха его станцевать. Его семейство не давало скучать не только нашему дому, но и всему двору. Преподавал своим сыновьям науку питья, конечно, глава семьи, который имел очень характерный внешний вид, и особенно нос. Любил Иван Петрович бурчать на нашу промышленность, что, мол, выпускают неудобные для питья стопки и, чтобы выпить до дна, надо больно сильно запрокинуть голову. Его нос плотно фиксировал стопку, и она не имела маневра. В результате все мужики этой семьи сгорели от водки, и никто не дожил даже до шестидесяти лет.

Хирург – Иван Владимирович, орденосец, умный, интеллигентный человек, выделял меня из толпы детей, почему-то любил со мной общаться, и разговаривал всегда как с равным. Был Иван Владимирович маленьким, худеньким, с седыми волосами до плеч и абсолютно выцветшими светло-голубыми глазами. Чаще всего вспоминается он мне, сидящим с южной стороны нашего дома на солнышке в легком плетеном кресле, с клетчатым пледом, накинутым на ноги. Возможно, наблюдать нашу беготню по двору для старого врача было развлечением. Удивительно, но разговор с ним меня почему-то не напрягал, наверное, потому, что интерес к моей жизни у него был искренний. Не почувствовать это было невозможно и я охотно и с желанием отвечал на его вопросы. К сожалению, Иван Владимирович быстро состарился, в 67 лет выглядел как немощный девяностолетний старик и рано умер. Отец и Иван Владимирович с уважением относились друг к другу. Пару раз он был участником наших семейных праздников. Меня шокировало то, что женщины бесцеремонно задирали перед ним свои праздничные платья, а он спокойно и доброжелательно рассматривал что-то на их телах. Оказывается, все они были когда-то его пациентами.

С дочерью электрика Аллой Поляковой учился я в одном классе. По окончании школы она утонула в Неве, и мы одноклассники-мальчишки ее хоронили, за что нас первый раз в жизни сильно напоили.

Интеллигентная семья Лозовских проживала на втором этаже нашего дома в седьмой квартире. Глава семьи – книголюб, владелец большой библиотеки. В их квартире одна стена от пола до потолка полностью была зашита стеллажами с книгами. Несмотря на его трепетное отношение к ним, к библиотеке я был допущен. Думаю, что в основном из уважения к отцу, а еще потому, что с книгами обращался я аккуратно. Книги брал только с одной полки, как сейчас помню, второй снизу, располагались там сказки народов мира и детская литература. Пользовался я этой библиотекой где-то с семи до одиннадцати лет.

Наличие собственной библиотеки, конечно, связано с этим эпизодом моего детства. Уж очень хотелось, чтобы мои дети развивались быстрее меня. Для этого, как я понимал, необходимо расти в окружении хороших книг. Интересно, что дети мои выросли, и можно сделать какие-то выводы. Хорошая детская литература была для меня долгое время ценностью абсолютной. Я был уверен, что моя суета в этой области беспримыслина, но не предполагал, что жизнь начнет так быстро меняться. Ну, кто же мог подумать, что почти в одночасье появится такое количество развлечений для детей, и все они будут отвлекать от чтения. Да и человек с годами представляется мне все более и более сложным существом. Библиотеку я формировал в основном под себя, и она не очень-то подошла моим детям, выросшим под влиянием совсем других ценностей, либеральных и прозападных. Сейчас считаю, что правильная позиция – поддерживать, если необходимо, человека в жизни, но не пытаться жить за него. Хотя детям важное и ценное предлагать нужно, но только то, до чего они созрели, и в такой форме, которая их может заинтересовать.

Однако все не напрасно, ведь сам получил большое удовольствие, добывая книги и предвкушая результат. Прелюдия чаще всего самое большое удовольствие и счастье, выше порой самого события.

Школа

В 1954 году пошел я в первый класс. С первых дней в школу ходил самостоятельно, она находилась рядом с домом. Школа была большая, каменная, в три этажа, построенная еще до войны. Посередине главный вход, большая парадная лестница и над ней помню, висел громадный портрет Сталина в белом кителе, он смотрит вдаль, на левой согнутой руке плащ, а над его головой высоковольтные провода линии электропередач, уходящие вдаль.

Школьники носили тогда военную форму, серого мышиного цвета, фуражку с кокардой на которой вытеснена развернутая книга и широкий ремень с латунной пряжкой, на которой тоже книга, конечно. Помню, какая же радость и гордость меня переполняла, когда я впервые эту форму одел. Отец научил, как правильно надевать ремень и заправлять в него гимнастерку. Благодаря этой науке выглядел я всегда так аккуратно, что несколько раз вызывался к доске. Учительница командовала встать всем мальчишкам класса и заправить гимнастерки так, как это было у меня.

Писали мы тогда перьевыми ручками. В середине парты в специальном отверстии находилась чернильница. И был у нас такой забавный предмет как «Чистописание». Учили нас писать красиво с нажимом, особенно заглавные буквы. Хорошо, конечно, когда форма соответствует содержанию. Но как-то я не заметил в реальной жизни людей гармоничных настолько, что и смыслы и форма их подачи одинаково прекрасны. Обычно так, или форма, или смыслы. Так вот для меня всю жизнь важнее смыслы, а не форма. Понимаю, как хороша гармония, но как-то не получается. Так вот чистописание я тихо ненавидел. В начальной школе это был самый противный предмет. Однако его я вытерпел и начальную школу окончил на отлично.

За время обучения пришлось мне переходить из школы в школу целых три раза. Как только строилась новая школа, мой класс тут же в нее переводили. Попал я и на хрущевскую реформу школы. В 1961 году оканчиваю семилетку, сдаю экзамены, а для нас, желающих учиться дальше, спешно организуют восьмой класс, и я в семилетней школе застрял еще на год. Поселок «Невдубстрой» разрастался так быстро, что превратился в город Кировск. Назвали его так, думаю справедливо, в честь основателя С.М.Кирова. Нравы того времени сильно отличались от сегодняшних. Конфликты, например, между учеником и школой строились куда как оригинальнее. Родители, как правило, в них не участвовали, а если приходилось, то были всегда на стороне школы.

Один из семиклассников после угрозы директора отправить его в колонию, решил школу взорвать, но не рассчитал заряд, двоечник, плохо знал счет. Метровой толщины стены спасли школу, отвалился только угол. В колонию, конечно, он был отправлен тут же. Мой приятель, которого прямо с утра директор отправил за родителями, пошел к колонке, разделся до одной рубашки, облил себя ледяной водой, потом на мокрую рубашку надел пиджак и часа два ходил во дворе школы и по соседней улице на морозе, посиневший и трясущийся от холода. Он ходил и бормотал: «Вот заболею воспалением легких, будут знать». Приятель мой не заболел, даже насморка не было, а родителей привести пришлось.

После окончания восьмого класса нас недели на три отправили работать в колхоз. За работу заплатили деньги. Мы классом единогласно решили не делить их, а устроить прощальный банкет с приглашением на него учителей. Директор на удивление не возражал и даже позволил пригласить джаз оркестр. Правда, выдвинул нашей классной руководительнице требования по меню, чтобы для учителей оно было особенным. В результате учителя пили водочку, на столе у них была и хорошая рыбка, и твердая колбаска. На нашем столе все было попроще, но вот уж что удивительно, нам пятнадцатилетним разрешили купить на свой стол красное сухое вино.

Несколько дней перед праздником находился я в состоянии эйфории, ощущал себя абсолютно взрослым. Как же, я впервые в жизни иду на банкет, буду сидеть за одним столом с учителями и не только пить вино, но и танцевать с девочками под оркестр. В колхозе вечерами девчонки учили нас танцевать под патефон и меня хвалили, что научился хорошо. Мы, группа мальчишек человек семь, в том числе и я, там же решили проверить свои танцевальные способности реальной жизнью и в субботу вечером сбежали в колхозный клуб на танцы. Потанцевать не удалось, ели унесли ноги от местных парней. А тут проверка должна состояться реально и спокойно, поскольку все свои. Вернул меня на землю из сладостных мечтательных полетов Толя Белоногов, мой одноклассник, высокий, белобрысый здоровый парень, с модным ежиком на голове, который уже и курил, и брился. Он учился в ПТУ, но с классом отношения еще не порвал и на вечер пришел. Захожу я в туалет, и сразу вижу его голову, возвышающуюся над головами пацанов, с нижней губы у Толика небрежно свисала папироса. Увидев меня, он тут же поднял руку к сливному бачку достал оттуда бутылку московской водки, прижал ее к щеке и, сказав: «Нет, еще теплая» бережно снова опустил в бачек. Голос из группы мальчишек:

– Толик ну дашь хоть пару глотков?

– Саня, я же сказал, что не дам. Самому мало. Пей вон свои красные помои.

Таким вот праздничным аккордом закончилось мое неполное среднее образование. А чтобы получить среднее, нужно было вернуться в ту школу, в которой я начал свое обучение. Оказалось, что это не так просто, там был конкурс, и не только аттестатов, но было еще и собеседование. Власть резко уменьшила количество школ со средним образованием. Ставка делалась на ПТУ и на неполное среднее образование. Конкурс я прошел успешно. В дальнейшем оказалось, что мне сильно повезло. Наш сборный класс, из школьников, выдержавших конкурс, по своим физическим и интеллектуальным способностям оказался самым сильным в школе. Учитывая слабость преподавательского состава и общую низкую культуру в нашем городке, именно одноклассники оказались тем мощным стимулирующим фактором, который помог мне продолжить свое образование после окончания средней школы и даже в одном из лучших технических вузов страны. Мы в классе постоянно соревновались друг с другом в решении конкурсных задач, совершенствуясь в математике и развивая свою логику мышления. Кроме школы можно было ходить на секцию легкой атлетики, кружок ИЗО, а в старших классах еще и в математический кружок. На ИЗО и математический кружок я ходил урывками и, в конце концов, бросил, а в секции удержался до окончания школы. Все гуманитарное, к сожалению, было почти на нуле, никто до окончания школы нас этим не заинтересовал, учителя и по истории, и по литературе были откровенно слабыми. Нам тогда ни слова не говорили о существовании книг Достоевского, Есенина, Бунина, Лескова, Булгакова, Пастернака, Ахматовой, Платонова, Шмелева, Бориса Зайцева и многих других писателей, являющихся гордостью русской нации. О писателях Серебряного века, нам тоже ничего не рассказывали. Или и сами не знали, или не были увлечены литературой, наверное, свою работу воспринимали как тягостное ремесло. Увлеченный человек проговорился бы, несмотря на запреты. Не было в школьной программе и хорошей иностранной литературы. Конечно, существовали тогда и настоящие учителя, но они были явлением штучным и погоды делать не могли. За мое время обучения в школе по гуманитарным предметам ни одного хорошего учителя у нас не было.

Оканчивая школу, я представлял Ф. М. Достоевского, впоследствии любимого своего писателя, эмигрантом и злостным врагом русского народа. Однажды на уроке учительница упомянула о Есенине как о пьянице, дебошире и авторе всякой пошлятины. Из программной литературы можно было ничего не читать. Для положительной отметки достаточно было знать, как в хрестоматии трактуются образы Коробочки, Манилова, Пьера Безухова, Чел-

каша, Кошевого и т. д. Этими образами так достали, что стойкое неприятие наших великих писателей Н. В. Гоголя и Льва Толстого побороть в себе до сих пор не удастся.

Читали мало, и библиотека то городская была бедная. Это не удивительно, художественная литература в стране издавалась в крайне ограниченном количестве и ассортименте, а 80% бумаги тратилось на печатание, как оказалось никому не нужной политической литературы. Мальчишкой я три года простоял в очереди на «Трех мушкетеров», так и не прочитал. Достал ее уже таким взрослым, что дочитать до конца эту прекрасную книгу не смог, романтизм как-то быстро и незаметно поменялся на прагматизм. Удивительно, но даже и это стало для меня благом. Пришло время, я заболел как литературой, так и историей. Только постигал я их уже без идеологической призмы, через которую нас заставляли воспринимать эти предметы учителя. Заболел литературой я совсем не случайно, ничего случайного в нашей жизни не бывает, а все закономерно. Во всех кировских семьях, с которыми в детстве мне пришлось контактировать, книг не было. Кроме газет почти никто ничего не читал. Но вот так получилось, что в нашем доме жила семья, хозяин которой оказался страстным книголюбом и книгоцеем. Заразил меня литературой, конечно, он, а еще мои ленинградские родственники, которые почти не читали, но дома у них были удивительные старинные книги. Когда я приезжал к ним в гости, одним из моих любимых занятий было листать дореволюционные журналы «Нива». Тетя Зина подарила мне на десятилетний день рождения интересную толстую книгу, изданную в 1939 году. Называется она «Ленинские искры. Нашей газете 15 лет. 1924—1939». Когда вырос и понял реальную ценность этой книги, я ее аккуратно переплел. Много лет она занимает почетное место в моей библиотеке. Когда ее листаешь очень хорошо чувствуешь атмосферу того времени.

За одиннадцать лет обучения в средней школе в памяти осталось не больше десяти учителей, и среди них, конечно, как у большинства, самый главный и самый незабываемый — учитель первый. Для меня это Мария Григорьевна Жулина. Вспоминается она как заботливая мама, с великим терпением и любовью нянчившаяся с нами — несмышленными, суетными и балованными. Невзирая на нежелание многих обучаться, научила она всех самому необходимому — читать, писать и считать.

В дальнейшем учили меня многие, и интересно, что основная часть учителей, которые нет-нет, да и вспоминаются, вспоминаются совсем не потому, что были хорошими учителями, а потому, что были странными или оригинальными людьми.

Бедные, бедные учителя, сколько же они от нас вытерпели! Ведь детьми мы были послевоенными, уличными и для того, чтобы развеселить класс, готовы были пойти на многое, несмотря на то, что в то время был мощный сдерживающий фактор — уважение народа к профессии учителя. Шло это уважение еще от наших дедушек и бабушек, для которых и знание, и образование были очень высокими ценностями. Хорошо в то время работало «пугало» под названием — директор. Директор школы в общественной иерархии стоял не ниже директора завода. В кабинет к нему с трепетом и страхом заходили не только мы, ученики, но и наши родители. Возможно, учителей тогда в стране не хватало, но, во всяком случае, многие были людьми случайными и в школу попали, переквалифицировавшись из обычных гражданских профессий.

Первая встреча с таким учителем произошла у меня в седьмом классе. Преподавал он у нас черчение и носил кличку «Квазимодо». Описание его внешнего вида есть в книге Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», поэтому повторяться не буду. Особой любви к нам, таким хулиганистым детям, он не испытывал и на уроках ходил между рядами парт, вооруженный деревянной линейкой длиной больше метра, где он такую достал, непонятно. Шеи у него не было, и голова плотно и неподвижно сидела между двумя горбами на груди и спине, но он замечал в классе любую шалость и очень ловко бил нас, мальчишек, и по головам, и по рукам, причем доставал своей длинной линейкой через ряд.

Однажды пришел «Квазимодо» на урок в особенно плохом настроении и бил нас своей линейкой с особой злостью. И пошли мы на конфликт с ним, и первый раз вывели учителя из себя. Подбежал он к своему столу, развернулся к классу, рванул рубаху на груди, только пуговицы полетели, и закричал громовым голосом:

– Я в войну собак ел! Немцам не сдался и вам не сдамся!

На мгновение все от неожиданности прижухли, в классе полная тишина, и в этой тишине голос Толи Белоногова:

– Одна вон застряла. Так и не проглотил.

В девятом классе появился у нас новый преподаватель английского языка, маленький плотненький старичок, весь седой, с бесцветными и слезящимися глазами. Был он очень забавным, хотя и ходил все время в черном пиджаке с орденом Боевого Красного Знамени на лацкане. Нос у него был картошкой, и если мысленно одеть ему красный колпак, а рост сильно уменьшить, то получится настоящий гном, а если рост не уменьшать, то клоун. Конечно, он нас заинтересовал, и через пару занятий мы знали о нем все. Узнали, что два года войны провел он в Мурманске, служил там переводчиком при приемке грузов с английских кораблей. Узнали, что он плохо слышит, потому, что был контужен. Узнали мы и то, что у него больные ноги, потому что в войну он их обморозил. Где-то мы его любили, но отказать себе в удовольствии повеселиться на его уроках никак не могли. В наше оправдание можно сказать, что научить нас он ничему не мог, поскольку не имел опыта работы со школьной аудиторией, и была у него плохая дикция. Его уроки были сплошной формальностью и для нас где-то развлечением, да и шутки наши на этом уроке злыми не были.

Обычно его урок начинался так: открывается дверь класса, и семенит в своих валеночках «англичанин» к учительскому столу. Садится, раскрывает журнал, а все мальчишки в это время в относительной классной тишине мычат себе под нос на разные лады, веселя хрюканьями и переливами мычания девчонок, которые время от времени прыскают себе в рукав.

И вот начинается представление. Учитель свои тугим ухом улавливает-таки посторонние звуки, постепенно откладывает журнал, прикладывает, вполоборота к классу, руку к уху и некоторое время слушает, смотря в потолок и складывая от усердия губы трубочкой. Потом вдруг резво вскакивает и бежит вдоль ряда, останавливаясь у каждого мальчишки, опять прикладывает руку к уху и каждого слушает персонально. На соседних рядах все рыдают от смеха. Добегает он до конца ряда, разворачивается и быстренько возвращается на свое место, с улыбкой смотрит на нас и вкрадчивым голосом говорит:

– Поймаю я, ох поймаю того, кто издает эти лебяжьи звуки.

Основная масса преподавателей учила нас точно в соответствии с программой, не отступая от нее ни на шаг и это было очень скучно и очень неинтересно, и, вероятно, поэтому учителя эти совсем не запомнились. Оказалось, что такое преподавание отвращает от учения вообще, и самое обидное от предметов интересных для большинства, например, таких, как история или литература. Эти предметы пришлось в дальнейшем осваивать самостоятельно, и где-то я даже благодарен Советской власти за убогую подачу их в школе. Историю, которой нас учили, представляя как классовую борьбу и как историю КПСС, лучше всего забыть, как дурной сон, и начать все заново, что реально со мной и произошло.

Однако кое-кто из таких учителей помнится, но помниться только в связи с какой – ни будь конфликтной или забавной ситуацией. Вот, например, случай, который произошел в десятом классе и связан он как раз с историей. Однажды на уроке истории, которую вела у нас тогда Лидия Алексеевна, разбирали мы вопрос окончания Второй мировой войны. Лидия Алексеевна убеждала нас, что советские полководцы превзошли немецких и в таланте, и в умении. И вдруг тихий мальчик с гуманитарными наклонностями, лучший поэт класса и непревзойденный декламатор стихов Маяковского, Вовочка Королев, позволил себе усомниться:

– Лидия Алексеевна, да как же так, ведь гнали они нас до самой Волги, и потерь среди военных у них в три раза меньше, чем у нас.... Лидия Алексеевна, а посмотрите на их форму – это форма настоящих военных, разве можно сравнить с нашей.

Все это Вовочка выдал, не вставая с места, поскольку Лидия Алексеевна играла в школе роль передового педагога и позволяла старшеклассникам высказываться прямо с места. Класс затих, интуитивно чувствуя, что Королев переступил какую-то черту, которую переступать нельзя. С минуту стояла полная тишина, и все не отрываясь, смотрели на учителя. Лидия Алексеевна оцепенела, ее глаза остановились и смотрели в одну точку. Жило только лицо, быстро меняясь в цвете, и за минуту на щеках появился заметный румянец. Вдруг она закричала:

– Вста-а-ать!!! Это пропаганда фашизма! Вон из класса!

Вова встал, спокойно собрал портфель и вышел за дверь. После некоторой паузы Лидия Алексеевна продолжила свой монолог:

– Я доложу директору. Таким не место в советской школе.

Директору она доложила, и три дня судьба Володи висела на волоске. В назидательных целях, как урок для всех, они бы, может, и выгнали, но побоялись за себя, побоялись выносить сор из избы.

Вспомнил я такие эпизоды из школьной жизни, о которых писать не принято. Почему-то сложилась у нас странная традиция – учителей только хвалить и благодарить. Может это и не совсем правильно. Видимо, именно поэтому население нашей страны в массе своей не знает собственной истории, плохо знает русскую литературу и очень мало читает. Много ли таких выпускников средней школы, которые, обучаясь целых шесть лет иностранному языку, могут хоть как-то, хоть на примитивном уровне общаться на этом языке? Многие ли преподаватели литературы действительно любят ее, эту литературу, и могут эту любовь передать детям. Определенно еще меньше тех, кто может литературно изложить свои мысли. Ведь большинство просто озвучивает по хрестоматии программу. К сожалению, по этой схеме ведется обучение в нашей стране десятилетиями.

Многолетняя неразумная политика власти по отношению к школе, когда политическое было выше профессионального, а истинный профессионализм в школе не поощрялся, а наказывался, привела к закономерному плачевному результату. В качестве преподавателей в школе остались практически одни женщины. Женщины же в силу своего природного консерватизма продолжают невольно навязывать молодому поколению не совсем здоровые ценности, сложившиеся в обществе в советские времена или уже в сегодняшние либерально-капиталистические и старательно отрабатывают любые, порой не самые умные установки, идущие сверху.

Времена сейчас другие, но школа, оставаясь традиционно вне критики, и оставаясь также традиционно без необходимого внимания со стороны государства, продолжает оставаться на недопустимо низком профессиональном, духовном и нравственном уровне.

Поступление в Институт

В 1965 году окончил я школу, и в этом же году закончилась ее хрущевская реформа. Со следующего года школа снова стала десятилетней. Мне исполнилось 18 лет, и впервые я не только должен был принять важные для своей дальнейшей жизни решения, но и осуществить их. Законы были тогда такими, что не поступаю я в институт с военной кафедрой, и тут же меня забирают в армию. Я был спортивный и армии не боялся, но очень туда не хотел, сильно она была мне не по нутру. Я колебался между двумя вузами, Кораблестроительным и Политехническим. В Кораблестроительный институт уговаривал меня Толя Лесков, муж моей двоюродной сестры Нади. Работал он начальником цеха на судостроительном заводе и был очень значимым для меня человеком. Он был старше меня на семь лет и знал я его с детства, поскольку дружил он с Надей со школы. Мальчиком я рос любопытным, Толя обратил на это внимание и года на два взял шефство надо мной. Водил по Питеру и по его музеям. Благодарность ему за это в моей душе живет до сих пор. Документы я сдал в Кораблестроительный институт. Потом, уже в конце августа, случилось так, что друзья повезли меня в Политехнический. Я настолько очаровался красотой и изяществом главного белоснежного корпуса института, расположенного среди сосен Сосновки, а также громадой спортивного городка с бассейном, что уже на следующий же день забрал документы из Корабелки и отнес их в Политехнический. Должно быть, поступил правильно, поскольку никогда в жизни об этом не пожалел. Экзамены я сдал успешно и был зачислен на первый курс механико-машиностроительного факультета. Поступал туда сознательно, понимая, что там смогу получить универсальное техническое образование, и еще, ведь я уже три года отработал слесарем механосборочных работ, имел второй разряд и живое понятие о станках и механизмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.